

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belarusian State University
Secondary school № 171, Moscow

**ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY
AND PRACTICE
OF PHILOLOGICAL RESEARCHES**

Materials of the XI international scientific conference
on March 25–26, 2021

Prague
2021

Actual problems of the theory and practice of philological researches: materials of the XI international scientific conference on March 25–26, 2021. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2021. – 77 p. – ISBN 978-80-7526-515-9

ORGANISING COMMITTEE:

Elena N. Serdobintseva, doctor of philological sciences, professor of Penza State University.

Mariya V. Gay, candidate of pedagogical sciences, assistant professor, teacher of Secondary school № 171, Moscow.

Olga Yu. Shimanskaya, candidate of philological sciences, assistant professor, head of the foreign languages department of Belarusian State University.

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines actual problems of the theory and practice of philological researches. Some articles deal with theoretical and methodological problems of philological researches. A number of articles are covered issues of teaching methods of the disciplines of philological cycle. Some articles are devoted to the issues of general and particular linguistics. Authors are also interested in urgent questions of rhetoric, speech culture, communication theory.

UDC 81+82

ISBN 978-80-7526-515-9

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2021.
© Group of authors, 2021.

CONTENTS

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

Slesova E. A.

On some lexical peculiarities of modern American fictional discourse:
stylistic approach 6

II. ISSUES OF TEACHING METHODS OF THE DISCIPLINES OF PHILOLOGICAL CYCLE

Gorbatov V. I.

Teaching communication in a foreign language of non-linguistic specialties
students..... 14

Мусатова Г. А.

Методические аспекты изучения поэтического текста на занятиях
по РКИ (на примере стихотворения С. А. Есенина «Заметался пожар
голубой...») 18

III. ISSUES OF GENERAL AND PARTICULAR LINGUISTICS

Веретенникова В. Е.

Категория итеративности в удмуртском языке..... 23

Копаева В. К., Манджиева С. В.

Структурно-коммуникативные характеристики текста интервью
современной англоязычной периодики 26

Краснова Т. А., Тимерханова Н. Н.

К вопросу о просодии сложноподчинённых предложений
удмуртского языка 32

Лиджиева А. Д.

Окказиональная трансформация пословиц в англоязычной прессе 35

III. FUNCTIONING OF LANGUAGE UNDER CONDITIONS OF MULTILINGUALISM

Кондратьева Н. В., Чернышева Л. А.

Особенности «билингвального письма» в современной удмуртской литературе (на материале творчества Б. Анфиногенова) 41

IV. INTERACTION FOLKLORE AND PHILOLOGY

Тимерханова Н. Н., Сунцова Ю. А.

Структура удмуртских пословиц и поговорок.....44

V. LITERATURE TODAY: SUSTAINABILITY OF TRADITIONS AND MODERN TRENDS

Abdullayeva S. R.

The subject of spirituality in the work of Kamil Avaz.....47

Bekchanova S.

Literary conversation is an opportunity for live communication 50

Yuldasheva M.

The skills of a literarian 54

Бекметов Р. Ф., Чэнь Сюэцин

О художественной антропологии Л. Н. Толстого и Лу Синя (на материале романа «Война и мир» и сборника «Блуждания») 57

Ишматова Т. В.

Жанр литературной сказка в творчестве удмуртского писателя Л. Малых.....61

Осипова З. Ю.

Мотивы трагической любви в повестях И. С. Тургенева «Ася» и «Вешние воды» 63

VI. PRINCIPLES, LAWS AND CATEGORIES OF LITERARY STUDIES

Лаптёнок И. Б.

Геопоэтика в осмыслении белорусского контекста литературного наследия И. Бунина (произведений оригинальной и переводной литературы) 69

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2021 году.....	73
Информация о научных журналах	74
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	75
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	76

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

ON SOME LEXICAL PECULIARITIES OF MODERN AMERICAN FICTIONAL DISCOURSE: STYLISTIC APPROACH

E. A. Slesova

*Student,
South Federal University,
Rostov-on-Don, Rostov region, Russia*

Summary. The article observes lexis of modern American fictional discourse and the ways of its functioning in it, touches upon the term idiostyle. The research is based on S. King's novel "Dreamcatcher" in which the study of lexical units from the point of view of their stylistic marking is of great interest. The formation of the author's individual style, the specifics of his presentation of the fictional material contribute to the further expansion of the reader's linguistic competence, which generally creates the basis for the objectivity of character assessment.

Keywords: antonomasia; allusion; zeugma; metaphor; oxymoron; personification; idiostyle; language means of the lexical level; stylistic marking.

One of the strategies of modern text linguistics is the analysis of the idiostyle as a communicative system determined by such an integral component as the author's personality in the combination of his psychological, socio-cultural and cognitive features. Within the framework of the linguistic approach, the idiostyle is interpreted as a set of linguistic and textual-stylistic features inherent in the author's language. The point of view considering phenomenon a set of extralinguistic factors that contribute to the expression of the author's personality is also widespread. In addition, a more comprehensive approach exists, incorporating views within the framework of both purely linguistic and extralinguistic approaches and describing the idiostyle as the creative personality of the author plus linguistic means [8, c. 76]. The third approach seems quite reasonable, because when reading a literary work, the reader most often perceives the author's personality through the prism of various linguistic means and stylistic techniques.

In the modern scientific environment, there are no unified approaches to the interpretation of the categories "idiostyle" and "individual speech of a writer" in the context of the linguo-stylistic analysis of a literary text. The system-structural approach is most widely used to identify the essence of the concept of "idiostyle", which is characterized by a structural study of the style of a literary text, where the central place belongs to the author's image (fr. Revzina, S. Zolyan, O. Severskaya, S. Preobrazhensky, etc.) [6]. According to V. V. Vinogradov, one of the main tasks of clarifying the internal unity of the stylistic means of a literary text is the problem of the structure of the author's figurative speech. The

scientist points out that the internal connection of all the elements of the author's idiostyle creates a certain specific literary unity, due to the trends in the development of literary genres.

The aesthetically marked approach to the interpretation of the essence of the idiostyle is associated with the aesthetic modification of the author's specific means of expression as a prerequisite for the formation of his individual method [3, c. 18–20].

Representatives of the figurative-compositional approach focus on the uniqueness of the individual style in terms of the unique individual dynamics of speech forms, the figurative transformation of text formation and compositional techniques for the formation of prose stanzas [5, c. 5].

The communicative approach is supported by such researchers as N. Bolotnova, N. Golovanova, B. Chernyavskaya, and others. N. Bolotnova connects attention to the idiostyle with the communicative approach to the style of the text. The individual style that manifests itself in textual activity in the process of communication reflects the language culture, the type of thinking, the thesaurus [4].

The addressee-oriented approach is associated with the problem of identifying the effectiveness of the author's text activity in relation to the addressee, taking into account the specifics of his speech personality. The text as a message is considered in the works of I. V. Arnold, who believes that stylistic analysis should be carried out on the basis of the reader's own perception of the author's text [2].

The functional-dominant approach, based on the stylistic analysis of the text and the identification of special idiostylistic dominant concepts and various linguistic ways of its representation, is used in the works of Y. Tynyanov [9, p. 272–277]. Thus, the idiostyle is not a static phenomenon but a dynamic, time-varying phenomenon [1]. The purpose of describing an idiostyle is to relate it to the term "concept".

Thus, the idiostyle can be understood as a system that combines intralinguistic characteristics, represented by linguistic multi-level units, along with extralinguistic factors, as a system that "exposes" the features of the author's presentation of the material, contributing to the expansion of his and the reader's language competence, which generally creates grounds for the objectivity of the assessment of characters.

It is obvious that one of the main objects to which the author's attention is directed is consciousness and its interaction with the surrounding reality. It is worth noting that the fears of S. King's readers are reflected in the fears of his characters, which allows a reader to feel their emotions and experiences more deeply, the author does not just describe the feelings of the characters, but also uses literary and linguistic techniques to awaken feelings and emotions in the reader himself. A similar effect can be observed in the novel by S. King "Dreamcatcher", in which the study of lexical units from the point of view of their stylistic marking is of great interest. Thus, one of the most frequently used by the author lexical stylistic techniques is the epithet. For example, in the sen-

tence "*Sky overhead is white and rainy, but the air is good.*" [10] the epithets "*white*", "*rainy*" and "*good*" become representatives of the elements of the topos. Weather conditions are an important aspect of the novel, as they allow us to reveal how the situation in which the characters of the novel are located turns out to be harsh or on the contrary favorable, which helps to describe the tense situation in detail: "*Silence, static, and the monotonous howl of the wind*" [10]. The epithets static and monotonous emphasize the unjustified expectations of the characters, which creates contextual wariness and excessive concentration of the characters on the events.

Descriptions of pain sensations are an integral part of works in the genre of horror and science fiction, as the characters fall into extreme conditions and certain physical injuries are inevitable: "*This was non-compromise pain, blitzkrieg agony*" [10]. The author does not just say that the character is in pain, he emphasizes with the epithets *non-compromise* and *blitzkrieg* that the pain was unbearable, which further enhances the effect of terror on the reader, as well as makes him sympathize the character. "*He was the one who was in trouble here, the pain coming up from his knee in baked spasms, hot and terrible*" [10]. The state of hopelessness expressed by the epithets in this sentence conveys the hero's fear and despair.

The author pays attention to some epithets describing the appearance – such as *awesome dreads*, which is perhaps an integral part of the description of the characters, and it most clearly tells about the personalities of the characters.

The sounds in the novel "Dreamcatcher" provide the effect of suspense to the atmosphere of the work. The author portrays silence with such epithets as *everlasting* and *dead*, and uses epithets to describe voices: *miserable voice*, *don't-wake-the-baby voice*, *I'm-still-dreaming voice* [10].

"Dreamcatcher" tells the story of the invasion of some alien forces and this fact cannot but affect the lexical content of the work. For example, there are references to unidentified flying objects described by the epithets *disc-shaped* and *boomerang-shaped*, and to enhance the effect of mystery in the sentence "*Mystery lights once again reported in Jefferson tract*" [10] the epithet *mystery* is used.

In the sentence "*The idea filled Jonesy with unreasoning horror*" [10] the hero is in a state of an extreme danger. He is trying to avoid an unknown frightening creature, which, as he has already realized, can take his life. Jonesy understands that the monster is trying to get to him, and the epithet *unreasoning* helps to express his emotional state.

Metaphor is often objectified in the discourse of S. King, being an important element for understanding the specifics of the author's individual style. Giving an evaluative tone to the statement, having the ability to express predicativity and modality, the metaphor accurately reflects reality from an artistic point of view and is closely connected with the creative imagination of the author. For example, in the sentence "*I had some time to kill, so I also went into the little store next to the pharmacy for a coffee...*" [10] the metaphor "*to have some time*

to kill" expresses the relaxed atmosphere in which the hero was, and also conveys a touch of informal conversation between the characters. The author often uses a metaphor to show that the relationship between the characters is friendly or to emphasize the conversational style of speech: *"It's all puff and blow."* [10]. The metaphor in "Dreamcatcher" is a powerful tool for revealing the tension of a certain episode, it intensifies the effect of mystery and intrigues the reader. For example, *"These threw a bright, even glare that gave the bathroom the feel of a crime-scene photograph..."* [10]; *"In front of his bulging, frightened eyes, a constellation of bumps appeared in the wood."* [10]; *"miserable voices at the back of the brain."* [10].

There are episodes when the author uses the metaphor to illustrate human qualities, to observe the behavior of the characters in more detailed way, and sometimes the metaphors in the novel carry an ironic connotation: *"Kurtz is smart, Kurtz is brave, but Kurtz is also the craziest ape in the jungle"* [10]; *"Barry is an eating machine."* [10] or *"he is a lipid goldmine."* [10].

Images and properties inherent in certain personalities also appear in cases of describing the characteristics of a person associated with the field of his activity: *"there were many terrible men in the service, more devils than saints, most certainly, and many were in love with secrecy."* [10]. In this case, the qualities characterizing the military are played out, which is very important to understand, since in the novel there are lines associated with the prevention of a military disaster due to an alien invasion. In addition to describing the characteristics of the characters, this stylistic technique shows certain external manifestations of the physical and emotional human states: *"he is deadly pale except for little red roses, one growing in each cheek"* [10] (about blood); in this episode, the character is in an agitated state and does not like to participate in the ongoing conversation. In the sentence *"She hadn't wanted to cry, desperately hadn't wanted to-it might set him off again-but she could feel the tears brimming. Her head was pregnant with them, and the inside of her nose tasted of the sea each time she pulled in breath"* [10] clearly presents the image of a person upset by what is happening, agitated and not understanding how to cope with the emotions that have engulfed him. The author describes the characters' anxious mood very well: *"For the next week he had slept little, and what sleep he did get had been haunted by bad dreams"* [10]. The metaphor in the sentence *"His chin was down on his breastbone, in a parody of deep thought (or maybe it wasn't a parody, who knew?)"* [10], despite the disturbing situation, has a somewhat ironic character, since the description of an unexpected incident for the hero with a bit of irony is a defensive reaction to stress.

External emotional manifestations are shown in the sentence *"He's wearing his best professional smile by now-two hundred watts..."* [10] using the metaphor *wearing his best professional smile*, which also allows one to define such character traits as professionalism and the ability to adapt quickly to a certain communicative situation within the framework of his professional activity.

A high concentration of metaphors can be observed when referring to the past life of the characters, since memories play a key role in the composition of the novel. The characters often turn to their past, their thoughts are connected with Duddits – a boy with Down syndrome, whom they met as teenagers, and who gave the characters paranormal abilities: *"Some new thing had been hovering just below the threshold of his consciousness, held down by the vivid memory of meeting Duddits"* [10]. Moments of nostalgia reflect in a light sadness, which feel the main characters, and carry a touch of bitterness: *"Too many memories, too many ghosts of happier times."* [10]. It is worth noting that the metaphor extends to the philosophical reflections of the characters: *"You grew up, became a man, had to adjust to taking less than you hoped for; you discovered the dream-machine had a big OUT OF ORDER, sign on it."* [10] or *"Wanting more is just a recipe for heartache."* [10]. In some cases the metaphor takes on a dark tone, as it is associated with critical moments in the characters' lives similar to those in which the characters escape from an unknown evil and are seriously injured: *"Henry took this off, spun it into a bandage, and wrapped it around the blood-caked tear in the left leg of his jeans"* [10]. In this sentence, the metaphor creates an extremely vivid image that is immediately imprinted in the reader's memory and makes him feel an incredible tension.

Nature is presented in the novel in accordance with the oppressive reality, as, for example, in the sentence: *"In other places there were veins and capillaries of open black water."* [10]. The swampy terrain in which the military is located during one of the operations is shown through the prism of people at risk, which once again highlights critical points in the narrative and evokes appropriate emotions. Mysterious alien visitors seeking to take over the planet with the help of a metaphor show some of their properties, but this feature is observed by those who fight against the invaders: *"They are cancer, praise Jesus, and boys, we're one big hot radioactive shot of chemotherapy"* [10].

Personification is not rare in the novel "Dreamcatcher". The characters' pessimistic reflections on life and unrealizable dreams become more tangible with the help of personification: *"Dreams age faster than dreamers, that is a fact of life Pete has discovered as the years pass. Yet the last ones often die surprisingly hard, screaming in low, miserable voices at the back of the brain."* [10].

Death in the novel is displayed as a dark and restless subject, exacerbating the sense of tension, absorbing everything light, leaves a residue of some emotional heaviness: *"Suicide, Henry had discovered, had a voice."* [10] or *"Death had brushed by him on a sunny day in March, and Jonesy had no desire to call it back"* [10]. Darkness and silence, completely intangible at first sight, appear as living beings: *"Silence gives consent."* [10]; *"The darkness is coming"* [10]. These vivid images allow the reader to immerse in the atmosphere of the novel to feel the same sensations that are embodied in the characters in a similar setting. The manifestation of internal and external physical processes in the form of impersonation makes the text much more vivid, and the reader better understands

the feelings of a particular character, and begins to empathize him: *"His blood responded to it."* [10]; *"Her eyes are now brimming with tears and she has to swallow to get rid of the thickness creeping into her voice."* [10].

Mostly a pun is used as a mean of creating a comic effect or rhyme, as well as transmitting a colloquial style of speech. In this example the hero reflects on his acquaintance and his love affairs and ironically says *"when George's Ram is rocking, don't come knocking"* [10]. The expression *"no bounce, no play"* [10] is included into the novel more than once, being a kind of code phrase used by the friends in the moments of uncertainty – when one of them does not know what to answer and seems to say: *"Who knows?"*. It is mentioned in the novel that this phrase should be pronounced with a smile, while simultaneously spreading one's hands and shrugging one's shoulders. Thus, it becomes a kind of connecting contact-setting thread between the characters.

The pun makes an unpleasant situation funny or lower the level of anxiety of the characters, which happened in one of the episodes. Rick McCarthy, who met the two main characters, was in poor physical condition. He would have fallen if Jonesy and Beaver had not caught him. To defuse the tense situation a little, Beaver uses this construction *"shake it, but don't break it."* [10]. The comical statement is also given by zeugma: *"into the band bus she went and out of your life."* [10].

As an important attribute of speech behavior, irony helps characters cope with unforeseen and extreme situations, as well as reveals some of their character traits. For example, in the sentence *"Pete nods sympathetically. He knows about headaches. Of course most of his are caused by beer rather than stress, but he knows about them, all right."* [10] the self-irony of the hero – Pete – becomes obvious, the reader, probably, can associate oneself with him. When the author introduces irony in tense moments of the story, full of anxiety, the reader still does not lose confidence that the character still has hope for a better outcome of the events, and he is able to look into the eyes of fear sensibly, with a certain amount of humor: *"Those showing Ripley were all careless. One of them...well, there's a little girl out there, about four years old, cute as the devil."* [10].

The names of the characters can be a suitable tool for expressing their personal qualities. In the sentence *"Jonesy saw Beaver thrash backward in a final throw; saw the thing let go its grip and leap clear just as the Beav rolled off the toilet, his upper half falling into the tub on top of McCarthy, old Mr. Behold-I-Stand-at-the-Door-and-Knock."* [10] *The-Door-And-Knock* is enhanced with a touch of irony, emphasizing the completely unexpected appearance of the guest.

Another example of antonomasia in the novel is *"Mr. What'd-I-Do"* [10]. That's what Jonesy called the driver who hit Duddits, because he kept repeating the phrase in a panic. These examples clearly show how some of the characteristics of a person are transferred to their name. *Mr. Middle Management* is the name that Henry gave to Owen Underhill, one of the military, for his facial expression, similar to that of middle-level managers. There are examples of antonomasia, which re-

fer to an alien entity: *"Mr. Et-Phone-Home"* [10]. In this case, antonomasia again appears in a slightly ironic context, and is used to avoid tautology.

The oxymoron does not appear as often as the above mentioned lexical stylistic means, but it certainly plays an important role in influencing the reader's feelings, being an integral part of the discourse and creating vivid artistic images. For instance, *the merry hell* oxymoron in the sentence *"Lamar Clarendon's father's camp, originally built just after World War Two, now burning merry hell."* [10].

The oxymoron conveys the hero's anxiety and a premonition of impending danger, which is transformed into a complex of emotions that anticipate the appearance of fear: *"The thing in the bed smiles without smiling."* [10].

A rare, but no less striking means of expression in the work is allusion. An allusion to the lyrics of the song "The Sound of Silence" by the American duo "Simon & Garfunkel" is used in the novel "Dreamcatcher" at least five times. This can be explained by the popularity of this composition in the United States, as well as the vivid images that it creates in moments of emotional tension. For example, *"His loudspeaker atop the cab of the pulp-truck, and now the men down there also raised their weapons, a little hello darkness my old friend peeping from the muzzle of each."* [10]. The reader immediately recognizes the familiar lyrics of the song and delves into the memories of moments from his personal life associated with this song, and compares the contextual use in the novel.

The analysis of lexical units and their stylistic features based on the material of S. King's novel "Dreamcatcher" revealed the bright features of the writer's idiostyle. The idiostyle of S. King is interesting and differs in a number of specific qualities. The most common lexical stylistic devices in the novel "Dreamcatcher" are the epithet, metaphor, and personification. The least frequent ones are antonomasia, oxymoron, allusion, and zeugma. Conventionally, the enumerated lexical stylistic devices can be attributed to various thematic groups. They are used to describe the nature and environment around the characters, identify the features of spoken speech, pay attention to the psychological aspect of the characters' behavior, their feelings and emotions, as well as their physical condition. It is worth noting that the use of such techniques is due to the situation in which the characters interact. The author supports the conversational style of communication with the help of various puns and stable phrases, creating a lively speech and emphasizing its expressiveness.

Bibliography

1. Андреев В. С. Языковая модель развития индивидуального стиля: на материале стихотворных текстов американских поэтов-романтиков. URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-model-razvitiya-individualnogo-stilya-na-materiale-stikhotvornykh-tekstov-amerika>
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. Санкт-Петербург, Россия: Наука, 2000. – 384 с.

3. Бахтин М.Н. Эстетика словесного творчества. Москва, Россия: Искусство, 1979. – 424 с.
4. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. URL: <https://search.rsl.ru>
5. Винокур Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий. URL: <https://search.rsl.ru>
6. Золян С.Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля. URL: <https://www.academia.edu>
7. Солганик Г.Я. Стилистика текста. Адрес доступа: <http://bookre.org>
8. Старкова Е.В. Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник ВятГГУ. Филологические науки, 2015. – С.75–80.
9. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва, Россия: Наука, 1977. – 574 с.
10. King S. Dreamcatcher. URL: <https://readli.net/chitat-online>

II. ISSUES OF TEACHING METHODS OF THE DISCIPLINES OF PHILOLOGICAL CYCLE

TEACHING COMMUNICATION IN A FOREIGN LANGUAGE OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES STUDENTS

V. I. Gorbatov

*Candidate of Pedagogic Sciences,
associate professor
Vladimir State University
named after Alexander Grigoryevich
and Nikolay Grigoryevich Stoletovs,
Vladimir, Russia*

Summary. The article deals with the problem of skills and abilities formation of various types of reading, their role in the process of non-linguistic specialties students' real communication. The article reveals the requirements and principles for the selection of texts. The author of the article analyzes four types of reading, and also reveals the stages of working with the text, their goals and objectives.

Keywords: students, communication, types of reading, professionally oriented interaction, exchange information, communication oriented tasks, speech skills and abilities, upbringing, education, citizenship, patriotism, empathy, personal development, pre-text exercises, post-text exercises.

In modern conditions of society development, foreign languages communication is of a particular relevance. This is due to the social order of society and is an important component of the training and education of specialists.

For university students, a foreign language is professionally significant not only in the cultural, but also in the economic and interpersonal spheres, and is expressed in the need for communication and cooperation with business partners, the receipt and exchange of information. Therefore, one of the main tasks of language training is the formation and the development of skills for professionally oriented interaction.

The solution of this problem involves the formation of students' abilities and skills of various types of reading, the development of the ability to extract and interpret information contained in original, professionally oriented texts and to carry out speech interaction to receive and exchange information. The tasks of teaching reading as an independent type of speech activity are as follows: to teach students to extract information from the text in the volume that is necessary to solve a specific speech problem using certain reading technologies [4, p. 142].

Reading can also act as a means of forming and controlling related speech skills and language skills, so far as:

- the use of reading allows students to optimize the process of mastering language and speech material;
- communication oriented tasks for the control of vocabulary and grammar, listening, writing and speaking assume the ability to read and are based on written texts and instructions;
- exercises for the formation and development of all language and speech skills and abilities are also based on the text and written instructions for exercises and tasks [4, p. 142]. Therefore, when teaching students of non-linguistic specialties, a special attention is paid to working with a text as a storage medium and a unit of business communication, as well as a verbal support of oral communication in the professional sphere.

It assumes not only an adequate understanding, but also the expansion of students' vocabulary.

The teacher is faced with the problem of choice the most successful educational texts. E. N. Solovova [4, p. 149–156] formulated the following requirements and principles for the selection of texts:

1. The volume of a text. Too long texts are tiring, and sometimes they deliberately form the idea of the impossibility of their assimilation. It is impossible to form many types of reading only on short texts, which are necessary for real life, including educational purposes (making a report, preparation of a message on the topic, etc.). The volume of a text can be determined by its format. Advertisements, announcements, graphs, diagrams, tables are also texts, and they are very informative.

2. The place of the main idea of the text. The understanding of the text will be achieved faster if the main idea is either at the beginning or at the end of the text.

3. The topic of the text. The topic of educational texts is determined by the curriculum. It is important to correlate the topics with the real age interests and needs of students, with the common tasks of upbringing, education and personal development, and also we need to take into account the peculiarities of the educational institution.

4. The problematic of texts. The problematic of texts provides an adequate selection of linguistic, speech and sociocultural material helps to form the necessary language and speech skills and abilities. Well-chosen problematic texts will not only provide factual information on a wide range of issues discussed, but can also serve as content and speech support for creating students' own similar speech utterances. It is the problematic of the texts that can help in the individual's education. At present, it is very difficult for the youth to form qualities of a real citizen as patriotism, morality, citizenship, responsibility for their words and actions before relatives and a society, empathy, and a willingness to critically evaluate incoming information from various sources. In modern society, insufficient attention is paid to the issues of students' social development and education. The desired positive qualities cannot be expected to appear by themselves. The teacher plays an essential role in the formation of the student's personality.

It is not necessary to overestimate the possibilities of the texts in the matter of educating the students' personality. Texts can carry different amounts of information to different people and lead to different conclusions. The personality of the teacher plays an important role when working with a text.

5. Degree of authenticity. Initially, the texts that were created not for educational, but for real communication were considered authentic ones. These include newspaper articles, brochures, air tickets and train tickets, advertisements, letters, announcements, etc. These are materials from those countries where a foreign language is spoken, and not specially created materials for teaching this language [1]. The use of authentic texts has a number of pros and cons. Slight adaptation of the text can make it easier to work with it, while it is possible to keep the flavor and other characteristics of this type of text. Sometimes authentic texts can be "conductors" of a certain ideology, which is not always acceptable to us. When working with such texts, we need to form a critical understanding of what we read. In addition to the texts themselves, the method of working with them is of a great importance, the methodological apparatus that helps to interpret them and form the skills and abilities that are vital for students for a real communication in the modern world. The authentic texts themselves do not provide such a tool.

The selection of texts is based on the principle of maximum linguistic and semantic accessibility and aims to form a system of images and concepts related to basic professional knowledge in students. This helps to activate the cognitive activity of students and to introduce them to the professional sphere of communication. In addition, the language material should be selected and structured in such a way as to form gradually students' skills in extracting and interpreting professionally significant information.

Working with texts involves the skills development of four types of reading: analytical, study, introductory, search and viewing – and is carried out on the basis of authentic general scientific texts, as well as general professional and popular science texts. R. K. Minyar-Beloruhev identifies studying and search types of reading [3, p. 177].

In the foreign English-language methodology, several types or reading skills are distinguished. They best contribute to the solution of certain speech tasks associated with the use of written texts:

- skimming (definition of the main theme or idea of the text);
- scanning (search for specific information in the text);
- reading for detail (detailed understanding of the text not only at the level of content, but also at the level of meaning) [2, p. 83].

To read effectively in a foreign language, you need to develop the following skills:

- ignore the unknown if it does not interfere with the performance of the task;
- to isolate semantic information;
- read by keywords;

- work with a dictionary;
- use footnotes and comments suggested in the text;
- interpret and transform the text, etc.

Thus, we can conclude that in the Russian and foreign methods of teaching there are no serious differences in understanding what types of reading one need to be mastered in the process of learning a foreign language. However, in practice, the positions of the Methodists differ.

In the domestic practice of teaching reading, the methodological apparatus for working with text forms the ability to read with a full understanding. In this case, the student is required to know almost all the words of the text; to be able to answer questions that test a complete understanding of the text; to be able to retell the text in detail or briefly, on behalf of the main character, on behalf of the author, etc.

The compilation of the most common scientific, a general professional and a specialized vocabulary play an important role in the development of professional communication skills. This work increases the ability to verbal communication within a given competence.

An important place in the formation of reading skills is occupied by pre-text and post-text exercises. Pretext exercises are lexically oriented and serve to expand the potential vocabulary and are aimed at developing skills in working with derived words.

The purpose of the text stage is to control the degree of formation of various language skills and speech skills, as well as to continue the formation of relevant skills and abilities.

Post-text exercises include questions and answers, the generalization of the read text by keywords, by speech clichés, by the plan, as well as exercises to extract information from the text. These exercises are aimed at mastering professionally oriented vocabulary found in the texts, as well as developing oral speech skills within the studied topics.

Creative tasks based on reading in the form of discussions and debates contribute to the development of professional foreign language competence.

Thus, reading in a foreign language is an effective means of teaching communication for students of non-linguistic specialties. The tasks of teaching reading as an independent type of speech activity is to teach students to extract information from the text in the volume that is necessary to solve a specific speech task using certain reading technologies.

Bibliography

1. Ahrens P., Solovova E. Reflections on Learning and Teaching. Video-based professional development materials for teachers of English. – The British Council-Dinternal, 2000.
2. Ellis G., Sinclair B. Learning to Learn English. A Course in Learner Training: Learner's Book. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
3. Minyar-Beloruchev R.K. French language teaching methodology: Textbook for students of pedagogical institutes in the specialty "Foreign language". – Moscow: Prosveshcheniye, 1990.

4. Solovova E.N. Methods of teaching foreign languages: basic course: a guide for students of pedagogical universities and teachers. – Moscow: AST: Astrel, 2008.

**МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ
(на примере стихотворения С. А. Есенина
«Заметался пожар голубой...»)**

Г. А. Мусатова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Рязанское гвардейское высшее
воздушно-десантное командное училище
имени генерала армии В. Ф. Маргелова,
г. Рязань, Россия*

Summary. The article discusses the methodological aspects of working with the poetic text of S. A. Yesenin. Based on his experience, the author gives recommendations on the organization of work aimed at analyzing the poetic text. Special attention is paid to the linguistic and cultural component of the lesson.

Keywords: Russian as a foreign language; lyrical poem; text analysis; foreign military personnel.

Основной целью практического курса русского языка как иностранного является обучение речевому общению на изучаемом языке. Использование на занятиях художественных текстов способствует формированию лингвострановедческой компетенции, расширению словарного запаса иностранных военнослужащих, повышает мотивацию к изучению русского языка, позволяет курсантам познакомиться с культурой, искусством страны изучаемого языка.

При решении коммуникативных задач, в процессе коммуникативной деятельности на занятиях по лингвострановедческим темам иностранные военнослужащие должны использовать «декларативные и социокультурные знания о мире, стране пребывания, о вербальных и невербальных правилах поведения в ней» [1, с. 21]; применять изученные формулы речевого этикета в типичных ситуациях общения (в рамках изученных тем); воспринимать и понимать культуру изучаемого языка, соотносить собственную культуру и инокультуру, «преодолевать сформировавшиеся стереотипы, использовать сформированные социокультурные знания в своей коммуникативной деятельности, проявлять толерантность в общении с представителями другой культуры» [1, с. 22].

В процессе знакомства иностранных военнослужащих с русским художественным словом мы проводим занятия по творчеству великих русских поэтов и писателей, где развиваем навыки стилистического анализа текста, воспитываем интерес к изучению русского языка как средства межнационального общения.

В процессе изучения дисциплины «Иностранный (русский) язык» преподаватель совместно с курсантами-иностранцами проводит анализ лирического стихотворения С. А. Есенина «Заметался пожар голубой...».

Работа начинается с семантизация лексических единиц *заметался, скандалить, отрекаюсь, запущенный, без оглядки, омут, стан, поступь, хулиган, упорный, покорный, навеки.*

Отрекаюсь, I НСВ. Отказываться от кого-нибудь, чего-нибудь. *Отрекаюсь скандалить.*

Поступь, -и, ж. Походка. *Поступь нежная.*

Стан, -а, м. Туловище человека. *Легкий стан.*

Упорный, -ая, -ое, -ые. Последовательный и твердый в осуществлении чего-либо. *Упорное сердце.*

Количество семантизируемой лексики может быть разным в зависимости от уровня подготовленности учебной группы. При семантизации лексики могут быть использованы различные приемы: подбор синонимов, антонимов, работа с корневым гнездом, объяснение значений приставок и суффиксов, составление словосочетаний и предложений с данной языковой единицей, работа с иллюстративным материалом, электронным дидактическим материалом.

Далее преподаватель предлагает прослушать стихотворение С. А. Есенина «Заметался пожар голубой...».

* * *

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.*

*Был я весь – как запущенный сад,
Был на женщин и зелье падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки...*

Преподаватель словесности, читающий стихотворный текст, должен понимать, что в данном случае интонация, мимика, поза, жесты, которые дополняют его речевое высказывание, имеют огромное значение. Для аудирования можно использовать аудио-, видеозаписи чтения стихотворений русских поэтов в исполнении известных российских актеров, например, С. Безрукова.

После прослушивания поэтического текста предлагаем прочитать стихотворение. Построчный, а иногда даже дословный анализ побуждает иностранного читателя к рассуждению, к желанию высказать свои языковые догадки и, конечно, подобный анализ нужен для того, чтобы в сознании курсантов создалась целостная смысловая картина иноязычного сти-

хотворного текста. Далее переходим к выполнению грамматических и лексико-грамматических заданий, направленных на активизацию употребления в речи вновь изученной лексики, а также на снятие языковых трудностей при работе с текстом.

Задание 1. Определите род существительных, подберите к ним прилагательные.

Осень, поступь, дали, жизнь, пожар, стан, сердце.

Задание 2. Выпишите из текста стихотворения словосочетания «глагол + существительное в винительном падеже».

Задание 3. Составьте словосочетания, используя слова из таблицы.

Разонравилось	уйти
Забросил	скандалить
Умеет	плясать
Отрекаюсь	быть покорным
Не смогла	писать стихи

Задание 4. Подберите к данным словам антонимы.

Любовь, разонравилось, терять, прошлое, любить, забыл.

Задание 5. Объясните значение следующих выражений: «заметался пожар голубой», «был я весь – как запущенный сад», «глаз злато-карий омут», «сердце упорное», касаться «волос твоих цветом в осень».

Далее предлагаем курсантам дополнительную информацию: в какой цикл входит данное стихотворение? кому посвящено?

Стихотворение «Заметался пожар голубой...» входит в цикл «Любовь хулигана», написанный во второй половине 1923 года и посвященный актрисе камерного театра Августе Миклашевской, с которой С. Есенин познакомился после возвращения из-за границы.

Послетекстовая работа направлена на отработку изученных грамматических конструкций, работу со структурой текста, анализ и интерпретацию полученной информации, развитие коммуникативных навыков обучающихся.

Задание 6. Определите тему стихотворения.

Задание 7. Охарактеризуйте главного героя стихотворения (каким был? каким стал? почему изменился?). Свой ответ подтвержайте строчками из стихотворения.

В методической разработке к данному занятию предлагаем информацию для преподавателя – варианты ответа на вопросы задания.

А) Лирический герой влюбился: «*В первый раз я запел про любовь, / В первый раз отрекаюсь скандалить...*». Ему «*Разонравилось пить и плясать / И терять свою жизнь без оглядки*».

Б) Смысл своего существования он видит в том, чтобы смотреть на любимую, «*видеть глаз злато-карий омут*», «*тонко касаться руки*» и волос ее «*цветом в осень*».

В) Для героя становится важным доказать любимой, «как умеет любить хулиган, как умеет он быть покорным». Ради любви он не только отрывается от прошлого, он готов забыть «родимые дали» и отказаться от поэтического призвания.

Г) Герой чувствует возможность обновления под воздействием любви. В стихотворении это выражено сослагательным наклонением: «Мне бы только смотреть на тебя», «Я б навеки забыл кабаки», «Я б навеки пошел за тобой».

В процессе анализа лирического произведения С. А. Есенина «Заметался пожар голубой...» повторяем совместно с курсантами изобразительно-выразительные средства русского языка: эпитеты, метафоры, сравнения. Для этого выполняем задание 8.

Задание 8. Стремясь полнее и ярче выразить свои эмоции, поэт использует различные художественные средства: эпитеты, метафоры, сравнения. Приведите примеры. Определите их роль в стихотворении.

Эпитет – образное, необычное, неожиданное определение, выраженное, как правило, прилагательным.	Метафора – перенос значения с одного понятия на другое на основании условного сходства.	Сравнение – не- обычное сопоставле- ние двух предметов или явлений.
Пожар <i>голубой</i>	<i>Заметался пожар голубой...</i>	Был я весь – <i>как за- пущенный сад...</i>

Задание 9. Какие строки повторяются в стихотворении? Для чего автор использует этот прием?

В конце проведенного анализа лирического произведения предлагаем обучающимся выразить свои чувства и мысли на основе прочитанного стихотворения.

Задание 10. Какие чувства, мысли вызывает у вас стихотворение «Заметался пожар голубой...»?

Результатом подобной работы становится эмоционально-оценочное осмысление прочитанного, наполненное личностными ассоциациями и связями [4, с. 137].

Таким образом, занятие по изучению стихотворного текста с иностранными военнослужащими целесообразнее проводить в форме эвристической беседы, уделяя основное внимание смысловому восприятию текста. Задания, разработанные на базе стихотворения С. А. Есенина «Заметался пожар голубой...», должны быть направлены на освоение языкового материала, на понимание идейно-образного содержания произведения, на знакомство обучающихся со страноведческой информацией.

Библиографический список

1. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Иванова Т. А., Попова Т. И., Рогова К. А. – М. – СПб: «Златоуст», 1999. – 40 с.
2. Есенин С. А. Избранное: стихотворения и поэмы. – М.: Азбуковник, 2018. – 238 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М. : Азбуковник, 2008. – 944 с.
4. Попадейкина И. Художественный текст на занятиях по русскому языку как иностранному // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного. – Вроцлав, 2012. – С. 137–140.

III. ISSUES OF GENERAL AND PARTICULAR LINGUISTICS

КАТЕГОРИЯ ИТЕРАТИВНОСТИ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

В. Е. Веретенникова

Ассистент,
Удмуртский государственный
университет,
г. Ижевск,
Удмуртская Республика, Россия

Summary. This article observes the term “iterative” and its classification. In addition, the main components of the ways of expressing iterativity (multiplicity) in the Udmurt language were identified based on examples of own observations and from the texts of Udmurt literature, articles by various linguists

Keywords: Udmurt language; iterativity; multiplicity.

Специфическим значением, пограничным между внутрисобытийной и событийной предикатной множественностью, является значение *повторения* ситуации в определенном временном отрезке: ограниченный период времени, в течение которого ситуация повторяется, позволяет рассматривать это повторение как единую ситуацию, но притом повторяющиеся ситуации могут быть рассмотрены и независимо друг от друга. Подобное значение часто бывает выражено через глагол-сказуемое. Такие глаголы называть итеративными впервые предложил О. Есперсен, который в своей “Философии грамматики” писал: “...действительная множественность глагола, это то, что в некоторых языках выражается так называемым фреквентативом или итеративом – иногда самостоятельной формой глагола, которая часто включается в систему времени или в систему видов конкретного языка” [4, с. 198]. В некоторых других работах именно термин *iterative* используется для предложений, описывающих многократное повторение ситуации в течение какого-то времени. Термин “итератив” имеет самый широкий разброс значений и часто употребляется в общем смысле для всей совокупности значений, относящихся к семантической зоне предикатной множественности.

В зависимости от степени доминирования тех или иных итеративных параметров В. С. Храковский классифицирует итеративные значения следующим образом: 1) по временным параметрам: регулярная – нерегулярная итеративность; 2) по количественным параметрам: многократная – однократная итеративность, определенно-кратная – неопределенно-кратная повторяемость; 3) по пространственным параметрам: однонаправленная – двунаправленная итеративность [8, с. 150–152].

В ряде языков глагольная множественность выражается теми же показателями, что и такие видовые значения, как дуративное, имперфективное и др. – например, в славянских языках такое совмещение возникает у глаголов несовершенного вида. Этот факт находит отражение в ряде теоретических работ по аспекту, где глагольная множественность трактуется как значение видовой категории. В исследованиях лингвистов последних десятилетий (В. С. Храковский, А. Б. Шлуинский, В. А. Плунгян, И. Б. Долинина, Ю. С. Маслова и др.), однако, было показано, что данные категории довольно часто выражаются независимо друг от друга.

В удмуртском языке показатель итеративности прямо не называют грамматическим. В научном издании «Грамматика современного удмуртского языка» он приводится в числе суффиксов глагольной деривации [3, с. 219]. Но, однако, Б. А. Серебренников, причисляет их собственно к видовым показателям, «образование которых имеет тотальное распространение», в отличие от образований, которые «явно тяготеют к образованию лексического порядка», в силу того, что их показатели «имеют видовое значение, но не имеют <...> тотального распространения» [7, с. 109–141]. В. И. Алатырев анализирует данный суффикс в рамках категории вида, в разделе о грамматической категории глагола [1, с. 561].

Рассмотрим некоторые способы выражения множественности действия в удмуртском языке. Самыми распространенными выразителями неоднократности глагола являются суффиксы *-ыл-* (в глаголах I спряжения) и *-ля-* (в глаголах II спряжения) [7, с. 135–137]. Данные суффиксы указывают на многократное действие глагола в прошлом, а также многократное действие, происходящее то и дело, время от времени, постоянно. Например: *Куноос лыктыкузы, песьнае перепеч пӧралляз* ‘Каждый раз, когда приезжали гости, бабушка стряпала перепечи’. *Солэсь тӧдды йырзэ чукнаысен ик адӟо вал ини бакча берысь турып пӧлысь, отын со сяська бичалляз яке чебер бубылиос сӧры бызьылӧз* ‘Её белокурую головку уже с утра было видно в траве за огородом, и там [она] цветы собирала или за красивыми бабочками бегала’ [2, с. 7].

Итератив используется для обозначения множественности ситуаций, но иногда может употребляться глагол без соответствующего суффикса, например: *Со йырзэ ялан берыктылэ* ‘Он постоянно поворачивает голову’. *Со ялан мамаезлы юрттэ* ‘Он постоянно помогает матери’. В первом предложении используется форма итератива и присутствует указатель повторяемости ситуации наречие *ялан* ‘постоянно’. Во втором предложении при наличии того же лексического маркера выбирается глагол без грамматического показателя итератива.

Кроме того, итератив употребляется для обозначения давнопрошедшего времени или «отдаленной» временной дистанции [6, с. 364]. Такие же формы имеются и в удмуртском языке: *Мон азьло вань нимӕссэз тодылӧ, нош табере вунэти ни* ‘Я раньше всех по именам знал (знавал), а теперь позабыл’. *Кышетсэ Марина котьку ик кымыс азьзэ кыре кельтыса керт-*

тылйз ‘Платок Марина почти всегда завязывала, оставляя лоб открытым’. *Со дырысен Марина, выль кенъёс сямен, йырсиэ керттылыны кутскиз кышетэн* ‘С тех пор Марина, как невестки, волосы стала завязывать платком’ [5, с. 10].

Также следует отметить, что итератив может использоваться для выражения значения экспериентива: *Со ноку но монэ адъылымтэ вал* ‘Он никогда меня не видел’.

Итератив может выражать аспектуальные значения, такие как хаби-туальное и делимитативное. Хаби-туалис («регулярно повторяющиеся действия») [6, с. 159]: *Школаысь бертыкузы, мамызы бамъёссэс чупалля* ‘Когда [они] возвращаются из школы, мама целует [их] щеки’. *Коткудйз потйсь мурт фишказэ пуктыкуз, жёкез пильымон выльысь шукке* ‘Каждый выходящий из игры, ставя фишку, ударял сверху так, что стол мог бы сломаться’. *Тросэз дышйллям ни солы: нокыче но уг карисько* ‘Многие уже привыкли к этому: не обращают внимания’ [9, с. 14].

Делимитатив, т.е. длительные ситуации, ограниченные во времени [6, с. 298]: *Гужем ми эмезь октылйськом* ‘Летом мы собираем малину’. *Войналэсь азыло со, кышноез бёрдылон дыръя, кызъы ке но буйгатыны тыршылйз сое* ‘До войны он, когда плакала жена, как-нибудь старался успокоить ее’ [5, с. 16].

Таким образом, в удмуртском языке, итератив, как одно из наиболее поздних образований, используется как для отражения множественности ситуации или объекта, так и для выражения значения экспериентива; наблюдается совмещение некоторых перфектерирующих (делимитатив) и имперфектерирующих (хаби-туалис) значений.

Библиографический список

1. Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1983. – С. 561 – 591.
2. Архипов Т. А. Лудзи шур дурын: Роман-диалогия. – Устинов: Удмуртия, 1985. – 524 с.
3. ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Под ред. П. И. Перевошикова, В. М. Вахрушева, В. И. Алатырева. – Ижевск: Ижевское книжное изд-во, 1962.
4. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.
5. Петров М.П. Зардон азын: Повесть, поэмаос, кылбуръёс, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – 260 с.
6. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2011.
7. Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.
8. Храковский В. С. Типология итеративных конструкций. – Л.: Наука, 1989.
9. Чернов П. К. Лыз яг: Повестьёс, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 272 с.

СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТА ИНТЕРВЬЮ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКИ

В. К. Копаева
С. В. Манджиева

*Магистрант,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «КалмГУ»,
г. Элиста, Россия*

Summary. The article is devoted to the study of structural and communicative features of interview texts on the material of modern English periodicals. The classification of the interview according to three criteria – the number of interlocutors, the volume of the text of the interview and its subjects – is taken into account.

Keywords: interview; structural and communicative features; dialogic unities; media discourse.

В настоящее время публикации с диалогическим построением текста занимают значимое положение в СМИ и представляют собой один из наиболее динамично развивающихся публицистических жанров, поскольку наблюдается все возрастающий интерес к личностным суждениям и оценкам, акцентируется прямая речь собеседника в качестве эквивалента репортажной информации [1, с. 189].

В рамках современных подходов к анализу лингвистических явлений изучение жанра интервью обусловлено принципом антропоцентризма. Будучи явлением многоуровневым и многоплановым, с точки зрения языкового оформления, тексты интервью представляют собой разнообразные возможности для его исследования. Интервью как самостоятельный публицистический жанр обладает диалогической формой изложения материала.

Отличительной особенностью текста интервью признается его двуадресность, акцентирующая взаимонаправленность реплик участников коммуникации, адресованность массовому адресату, что в значительной степени оказывает влияние на языковое содержание реплик интервью.

Основные текстообразующие категории интервью – категории цельности и связности.

Структурно-семантическую единицу интервью составляет диалогическое единство.

Практический материал исследования позволил классифицировать интервью по трем критериям – количеству собеседников, объему текста интервью и его тематике.

По количеству участников в современных англоязычных журнальных интервью различаются интервью-диалог и интервью-полилог. Участие только одного интервьюера и одного опрашиваемого характерно для интервью-диалога. В свою очередь, в интервью-полилоге задействованы более одного интервьюера и/или интервьюируемого.

В исследуемых нами журналах преобладают интервью-диалоги. Из 180 проанализированных нами интервью 96 % относятся к интервью-диалогу и лишь 4 % – к полилоговым интервью.

Что касается классификации журнальных интервью по тематике, то можно отметить, что в рассматриваемых нами интервью с возможным разделением на микротемы детально обсуждается одна тема, позволяющая сфокусироваться на основной проблеме сквозь призму разного мировидения. Опрос экспертов и специалистов в определенной сфере актуализирует сущность фокусированного интервью с высказываниями, наделенными наибольшей полнотой, аргументацией, профессиональной оценкой.

Основные темы, обсуждаемые в журнальных интервью, относятся к сфере политики, акцентирующие международные новости, экономики, культуры и спорта. Тема интервью, как правило, отражает общественно значимое событие, либо события, имеющие место в жизни или творчестве знаковой личности. В данном отношении выделяются событийное интервью и интервью-портрет. Событийное интервью направлено на глубинное изучение какого-либо события или проблемы. Как правило, предмет обсуждения носит сложный и противоречивый характер. Применение событийного интервью обусловлено интерпретацией, рассуждением, анализом, прогнозом применительно к установкам, ценностям, убеждениям. В качестве примера приведем интервью «David Cameron profile: Calm, confident and a pragmatist. But where would he lead Britain?» [2] с юристом-международником.

В рассматриваемом примере обсуждается вопрос личностных качеств политического деятеля, на тот момент премьер - министра Британии. Журналист приводит мнение эксперта и его прогнозы относительно последствий деятельности политика для стран Евросоюза.

He is quite capable of taking a step back into his own space. What fills that space? He is the classic rooted Tory politician who stands for family, community and country, but on to that you have to bolt the life – changing experience he had with Ivan – the short life of his disabled son having a deep impact. I am an instinctive libertarian who abhors state prohibitions and tends to be sceptical of most government action. ... Raise any issue and I can predict Cameron's thought processes. Will it work? What will it cost? Should government be doing it at all?

Что касается интервью-портрета, то оно сконцентрировано на каком-либо одном представителе социума, которому удалось проявить себя в одной из сфер общественной жизни и привлечь интерес публики. Главной отличительной чертой данного типа интервью является его биографическая основа. При этом в интервью-портрете могут преобладать различные акценты для описания личности интервьюируемого. Так, портретное интервью может быть основано на каком-либо факте или эпизоде из жизни героя. В данном случае целью является информирование общественности о некой деятельности человека. Обязательным элементом данного типа ин-

тервью остаются биографические данные, которые, с одной стороны, направлены на напоминание читателям основных моментов судьбы героя, с другой – удачное обыгрывание под основную идею материала. Например:

заголовок: Fashion Designer Anna Sui'sTalkAsia Interview Transcript Friday, August 6, 2004 Posted: 0741 GMT (1541 НКТ) [3];

предтекст: LH: This week on TalkAsia: A fashion designer whose bold and irreverent style appeals across generations and to women around the world. This, is Talkasia.

LH: Welcome to TalkAsia. I'm Lorraine Hahn. American Fashion designer Anna Sui is our guest this week.

LH: It's safe to say Anna has always loved designing. As a young girl, she would dress her brother's toy soldiers and create her very own version of the Academy Awards. She was already designing her own clothes in middle school, where she was voted best dressed. Anna went on to attend the Parson's School of Design in New York, but dropped out when she realized it wasn't for her. Instead, she struck out on her own, working from her small apartment through the 1980's. Anna held her first major show in 1991, persuading model friends Linda Evangelista and Naomi Campbell to help her out. The show was a hit, and Anna was on the list of "Hot" designers. Over the past decade Anna has slowly expanded her product line to include accessories, cosmetics and fragrances. Today the Anna Sui Corporation is worth over \$200 million. ...

Более того, в интервью акцентируется непосредственная биография героя, которая в силу определенных причин представляет особый интерес. Поводом к такому типу интервью могут быть, например, значимые заслуги героя, его юбилей. Основная задача портретного биографического интервью заключается в создании целостного образа человека посредством установления наиболее существенных фактов и эпизодов его биографии. Интервью подобного рода характеризуется сложной структурой, поскольку обусловлено глубоким проникновением во внутренний мир героя и обращением к его биографическим сведениям.

AS: Well as a kid that's what you're thinking about. Like that's the ultimate to you.

LH: You know Anna it really took you – what 10 years? – for you to really make a name for yourself. During those 10 years, was it tough to survive? I mean you could have just given up I presume, and could have gone and joined Vogue or some flamboyant magazine or even a fashion house for that matter?

LH: And the tough moments that you look back on. What was the hardest part in your life thus far?

AS: You know in those ten years when I was working out of my apartment, it was really the financial area. And realizing that some stores were just not going to pay you. And never had any intention of paying you. And a thousand dollars back then was so much money. And if a store just burned you, you had no recourse. And that was difficult with.

Согласно критерию объема в англоязычных журналах выделяются три подвида интервью: 1) малоформатные (блиц-интервью), объем которых составляет меньше 2500 печатных знаков, 2) среднеформатные интервью, объем которых варьируется в пределах 10000 печатных знаков, 3) крупноформатные или аналитические интервью, объем которых составляет до 40000 печатных знаков.

Проведенный количественный анализ показал, что в англоязычных журналах преобладают малоформатные интервью, представляющие собой фокусированное интервью с экспертами и специалистами в определенных областях знания. Данный подвид интервью зачастую уже в самом заголовке содержит сформулированный вопрос, который подвергается дальнейшему обсуждению, например: Sue Townsend: “I hate it when people call me a national treasure” [3]; Michelle Ryan: “There’s a difference between being enthusiastic and desperate” [4]. На прагматическом уровне такие интервью легки для восприятия и читаются очень быстро.

Особенности структуры интервью в англоязычных журнальных текстах актуализируют разграничение понятий «структура» и «композиция». Сложные смысловые единицы, представленные звуковой и морфемной структурой слова, структурой предложения и текста, обуславливают, как правило, структурные характеристики текста интервью на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях. Структура текста выражается не только в аспекте теории, но и в прагматическом отношении на уровне восприятия и воздействия текста.

Под композицией текста понимается некая схема его организации или структурная упорядоченность, которая обуславливает особенности строения, сопряженность и взаимное расположение его частей, сегментацию на смысловые элементы, степень и характер отражения этих элементов, а также порядок их следования. Как правило, в рамках лингвостилистики, понятие композиции соотносится с внешней и внутренней композицией. Внешняя композиция актуализирует процесс расчленения текста в виде сегментов, информативных блоков и отвечает за объединение информации в рамках каждого блока. Внутренняя или иными словами смысловая композиция обуславливает логическое развертывание содержания, движение хода мысли. Соответственно, понятия структуры и композиции тесно связаны между собой и могут использоваться в качестве неполных синонимов.

В рамках нашего исследования, с учетом коммуникативно-прагматического подхода под структурой интервью понимается взаимная обусловленность элементов многоуровневой системы текста, с помощью которой адресанту удастся владеть вниманием реципиента и управлять им таким образом, что восприятие данных элементов воспринимается как единое целое.

Таким образом, принимая во внимание важность речемыслительной деятельности автора, связанной с созданием текста, необходимым представляется выделение прагматических свойств структуры текста интервью,

т.е. графически выраженное членение текста на релевантные составные части. Так, например, в рамках структурной организации изложения информации в англоязычных журналах зафиксирована следующая последовательность: рубрика – надзаголовок – заголовок – предтекст – текст. Приведем пример:

рубрика: Books, arts and culture;

надзаголовок: The playwright behind “Venus in Fur” discusses the drama of two people locked in an intense relationship [5];

заголовок: S&M on stage;

предтекст: Mr Ives has written dozens of plays, many of them prize-winning, and has adapted everything from Twain to Dickens to Feydeau. We spoke to him about the work of staging extreme sexual circumstances and the virtues of writing in verse;

текст: You've said before that your original idea was to adapt Pauline Réage's “Story of O”, but that you were thwarted by licensing issues. “Venus in Fur” is certainly a logical plan B, but what is it about the shared subject matter-S&M-that's so appealing to you?

Plays are always about intense relationships, whether they're intense love relationships or family relationships or existential relationships. “Story of O” actually would have made a terrible play-as I realised, luckily-because aside from licensing problems, O in “Story of O” is effectively a passive character. I was drawn to the spiritual purity of the quest she's on for negation, but ultimately that would have never worked dramatically. Whereas, of course, “Venus in Fur” is about two people locked in an intense erotic relationship, and if that's not dramatic I don't know what is

В рассматриваемом примере рубрика, будучи номинативным предложением, представляя собой верхний уровень структуры, только называет макротему (Sport. Culture).

Надзаголовку, как правило, свойственно уточнять и сужать тему, заявленную в рубрике (The playwright behind “Venus in Fur” discusses the drama of two people locked in an intense relationship).

Заголовок является доминантной составляющей любого типа текста, в частности, интервью. Заголовок направлен на представление темы в прямой, ассоциативной или смешанной формах в соотношении с последующим текстом. Будучи структурным элементом интервью, заголовок является репрезентативной частью текста, идентифицируя, и в то же время дифференцируя содержание текста интервью.

Как показал практический анализ нашего материала, для заголовка интервью характерны функции (номинативная, графически-выделительная, информативная, рекламно-прагматическая, прогностическая), каждая из которых может быть превалирующей в зависимости от намерений журналиста, однако исходной и облигаторной считается номинативная функция, а наиболее значимой – рекламно-прагматическая функция.

Структура заголовка, как правило, соотносится с прагматическим потенциалом каждого вида текста интервью в отдельности. Графически заголовки всегда выделены жирным шрифтом.

Подзаголовок в журнальном интервью обладает относительно клишированным характером, поскольку в нем акцентируется информация об интервьюируемом, сообщается его возраст, должность и непосредственно предмет беседы. Подзаголовку присуще кодирование ассоциативной связи, выраженной посредством усеченной синтаксической структуры.

В основном использование предтекста зафиксировано в текстах крупноформатного интервью. В данной части интервью предоставляется более подробная информация о теме предстоящей беседы, приводится биография интервьюируемого или некая предыстория, которая непосредственно соотносится с темой беседы. Основное предназначение предтекста заключается в представлении основного текста интервью с учетом обсуждаемой темы, изложении краткой информации о событиях, затронутых в тексте. При этом для предтекста при формировании одного смыслового целого с основным текстом, не обязательно являться его составной частью, он может быть репрезентирован в качестве самостоятельного образования, будучи вспомогательным текстом.

Все проанализированные структурные уровни текста интервью участвуют в организации плана публикации, который может не только акцентировать восприятие информации, но и оказывать прагматическое воздействие на читателей.

Таким образом, структурно-языковые качества журнального текста прагматически обусловлены структурой медиатекста интервью. Образность и ассоциативность текста интервью, как правило, актуализируют его прагматическую заданность, что позволяет привлекать внимание адресата, побуждать его к чтению текста интервью и тем самым сообщать информацию, предусмотренную намерением автора в силу его коммуникативной стратегии и субъективного отношения к окружающей действительности.

Таким образом, текст интервью – это отдельный публицистический жанр, обладающий определенными структурными и содержательными элементами.

Библиографический список

1. Смелкова З. С. Риторические основы журналистики: Работа над жанрами газеты / З. С. Смелкова. - М.: Флинта: Наука, 2002. - 318 с.
2. <https://www.theguardian.com/politics/2010/apr/25/david-ferguson-profile>
3. <https://www.theguardian.com/theobserver/2010/aug/01/sue-townsend-kate-kellaway>
4. <https://www.theguardian.com/theobserver/2010/sep/12/michelle-ryan-bionic-woman-interview>
5. <https://www.theguardian.com/stage/2017/oct/01/natalie-dormer-venus-in-fur-interview-game-of-thrones>

К ВОПРОСУ О ПРОСОДИИ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Т. А. Краснова
Н. Н. Тимерханова

*Кандидат филологических наук, доцент,
кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский государственный
университет,
г. Ижевск,
Удмуртская Республика, Россия*

Summary. The article deals with the analyses of the prosody of complex sentences in the Udmurt language. The considered constructions are formed by a descending final tone, which indicates the semantic completeness, nuclear nature and fullness of the sentence. Both the main part and the subordinate part of a complex sentence have independent intonation contours, but if the whole sentence forms one syntagm, one semantic group, the parts can be pronounced with one intonation contour. The presence or absence of a pre-stressed or post-stressed part of the intonation contour does not affect the movement of the main tone in the phrase.

Keywords: prosody; intonation; syntagm; compound sentence; Udmurt language; auditory analysis.

Проблема структуры интонационных единиц как элементов определенных интонационных систем конкретных языков является актуальной в лингвистике, в том числе и в удмуртском языкознании. В последнее время возрос интерес ученых к изучению просодии удмуртского языка, однако фундаментальных работ в этом плане до сих пор мало.

В статье представлен опыт изучения синтаксической функции интонации на материале сложноподчиненных предложений удмуртского языка, поскольку именно она участвует в членении сложных синтаксических конструкций и выражении синтаксических отношений между частями. Материал исследования составили предложения с постпозитивным придаточным, отобранные из художественных произведений удмуртский прозаиков и представленные в электронном виде в исполнении носителей языка.

В качестве аудиторов привлекались преподаватели и студенты-филологи старших курсов, для которых удмуртский язык является родным. Аудиторский анализ показал, что вне зависимости от типа придаточного предложения, главное заканчивается нисходящим контуром. Это свидетельствует о его смысловой законченности, ядерности и полновесности, чего нельзя сказать о придаточном предложении. Главное предложение представляет собой относительно самостоятельное высказывание, придаточное же в смысловом отношении несамостоятельно, зависит от главного и имеет коммуникативное значение только с предыдущим предложением.

Примером могут служить следующие предложения.

1. Придаточное изъяснительное: *Шуг вераны, кы́че тылпу гомаз соку Леонтий Макаровичлэн сьолмаз, кудйз сильтёл сое юнгес куасаз* [3, с. 45] ‘Трудно сказать, какой пожар бушевал тогда в сердце Леонтия Макаровича, какая буря его сильнее сломила’.

Предложение по своему смысловому содержанию носит характер размышления, состоит из трёх синтагм. Первая синтагма состоит из двух ритмических групп, предударная и заударная части отсутствуют. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на втором ударном слоге. Движение тона нисходящее. Вторая синтагма состоит из пяти ритмических групп, в предударной части имеется один безударный слог, заударная часть отсутствует. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на втором ударном слоге, движение тона восходяще-нисходящее. Третья синтагма состоит из пяти ритмических групп, в предударной части имеется один безударный слог, заударная часть отсутствует. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на втором ударном слоге. Движение тона восходяще-нисходящее.

2. Придаточное причины: *Таяз учыре мунчоез пятницае эстоно кариськиллям, малы ке шуоно субботае вань гуртьёсын чош колхозной собрание но праздник, пе, луоз* [1, с. 129] ‘На этот раз баню решили истопить в пятницу, потому что в субботу со всеми деревнями вместе будет колхозное собрание и праздник’.

Предложение по форме смыслового содержания носит характер констатации факта. Состоит из двух синтагм. Первая синтагма состоит из четырёх ритмических групп, в предударной части имеется один безударный слог, заударная часть отсутствует. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на третьем ударном слоге. Движение тона восходяще-нисходящее. Вторая синтагма состоит из восьми ритмических групп, в предударной части имеется пять безударных слогов, заударная часть отсутствует. Аудиторы отмечают два сильных ударения на шестом и седьмом ударных слогах (однородные подлежащие в предложении). Движение тона восходяще-нисходящее.

3. Придаточное образа действия: *Та́че куазен ас вордйськем музье-мед котькулэсь но мусо потэ, нокытчы со дорысь ой кошкысал кадь* [2, с. 27] ‘В такую погоду свои родные края кажутся милее, чем обычно, никуда бы не уезжать отсюда’.

Предложение обозначает констатацию факта и носит характер описания. Состоит из двух синтагм. Первая синтагма состоит из семи ритмических групп, в предударной части имеется один безударный слог, заударная часть отсутствует. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на пятом ударном слоге. Движение тона восходяще-нисходящее. Вторая синтагма состоит из трёх ритмических групп, в предударной части имеются два безударных слога. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на третьем ударном слоге. Движение тона восходяще-нисходящее.

4. Придаточное определительное: *Но таин чош ик мукет дунне но вал, кытын улїз Володя, солэн эшъёсыз* [5, с. 29] ‘Но вместе с тем был и другой мир, где жил Володя, его друзья’.

Предложение по своему смысловому содержанию носит характер описания, констатации факта. Состоит из трёх синтагм. Первая синтагма состоит из пяти ритмических групп, в предударной части имеются два безударных слога, заударная часть отсутствует. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на третьем ударном слоге. Движение тона восходяще-нисходящее. Вторая и третья синтагмы входят в одно придаточное предложение (так как являются однородными подлежащими), поэтому их следует рассматривать вместе, как единое целое. Ритмическая фраза состоит из пяти ритмических групп, в предударной части имеется один безударный слог, заударная часть отсутствует. Аудиторы отмечают два сильных ударения на третьем и пятом ударных слогах. Движение тона нисходящее.

5. Придаточное условное: *Огезлы но валэктон озьы гинэ уд шедьты, уката ик азьд туганэд сылэ ке* [5, с. 35] ‘Ни на один [вопрос] просто так не ответишь, особенно если перед тобой стоит твой любимый’.

Предложение по форме смыслового содержания носит характер констатации факта. Состоит из двух синтагм. Первая синтагма состоит из пяти ритмических групп, в предударной части имеются два безударных слога, в заударной части имеется один безударный слог. Аудиторы отмечают два сильных ударения на первом и пятом ударных слогах. Движение тона восходяще-нисходящее. Вторая синтагма состоит из четырёх ритмических групп, в предударной части имеются два безударных слога, в заударной – один. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на третьем ударном слоге. Движение тона восходяще-нисходящее.

В некоторых случаях предшествующее главное предложение может заканчиваться восходящим тоном, если предложение имеет эмоциональную окрашенность, например:

1. *Кин тодэ, мар йыркурьяськиз, вылды, понназ* [4, с. 18] ‘Кто знает, на что он, казалось, злился в душе’.

Предложение по своему смысловому содержанию носит характер размышления. Состоит из двух синтагм. Первая синтагма состоит из двух ритмических групп. Предударная и заударная части отсутствуют. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на втором ударном слоге. Движение тона восходящее. Вторая синтагма состоит из трёх ритмических групп. Предударная и заударная части отсутствуют. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на втором ударном слоге. Движение тона восходяще-нисходящее.

2. *Эх, адъысал ке Роман Петрович, мар гыбдаз солэн сюлмаз!* [4, с. 35] ‘Ах, если бы увидел Роман Петрович, что происходило у него на душе!’

Предложение состоит из двух синтагм. Первая синтагма состоит из четырёх ритмических групп, предударная часть отсутствует, в заударной части имеется один безударный слог. Аудиторы отмечают одно сильное

ударение на втором ударном слоге. Движение тона восходящее. Вторая синтагма состоит из четырёх ритмических групп, предударная и заударная части отсутствуют. Аудиторы отмечают одно сильное ударение на первом ударном слоге, движение тона нисходящее. Главное предложение оформляется восходящим тоном, обусловленным подчёркнутым отношением к высказываемому, намеренной растянутостью последнего ударного слога.

Слуховой анализ озвученного удмуртского материала позволил сделать следующие выводы. Рассматриваемые конструкции оформляются нисходящим завершающим тоном, что свидетельствует о смысловой законченности, ядерности и полновесности предложения. Как главная, так и придаточная часть сложного предложения имеют самостоятельные интонационные контуры, но, если все предложение образует одну синтагму, одну смысловую группу, части могут произноситься одним интонационным контуром. Наличие или отсутствие предударной или заударной части мелодического контура не влияет на движение основного тона во фразе.

Библиографический список

1. Архипов Т. А. Вормы астэ ачид. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 274 с.
2. Красильников Г. Д. Оксана // Кошкисез мед кошкоз. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – С. 27–37.
3. Перевозищев Г. К. Йöвалег. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 504 с.
4. Петров М. П. Вуж Мултан. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 357 с.
5. Романова Г. В. Жужыт-жужыт гурезе. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 156 с.

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСЛОВИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

А. Д. Лиджиева

*Магистрант,
ФГБОУ ВО «КалмГУ»,
г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия*

Summary. The article is devoted to the study of the occasional transformation of proverbs in the English-language press. The occasional use of proverbs is understood as a deviation from the norm, their modification at the lexical, semantic, stylistic, grammatical or syntactic level.

Keywords: occasional transformation; proverbs; communicative-pragmatic potential.

В современной филологии продуктивный характер приобретают исследования, посвященные изучению функциональной стороны языка, акцентирующие смещение научного интереса лингвистов с внутренней организации языка на проблемы его функционирования, что, в свою очередь, послужило развитию учения о дискурсе, теории коммуникации, прагмалингвистики

Следует отметить, что функционирование пословиц в газетном дискурсе определяется коммуникативно-прагматическим пространством, значимыми составляющими которого, в частности, являются 1) канал передачи сообщения, представленный прессой, 2) коммуниканты, в роли которых выступают адресант как автор сообщения, его интенции, задача воздействия, профессионализм, грамотность и адресат, представленный массовой аудиторией, наличием фоновых знаний, направленных на совпадение когнитивных баз с целью адекватного понимания сообщения, 3) языковой код, актуализированный единицами языками, в частности, паремиями.

Речевая деятельность, рассматриваемая с учетом коммуникативно-прагматического подхода, требует акцентирования человеческого фактора в языке. Когнитивная лингвистика, придерживаясь антропоцентрического принципа при изучении языковых единиц, в частности английских паремий, функционирует в тесной связи с когнитивной деятельностью и сферой коммуникации человека.

Объективация человека как творческой личности репрезентирована в процессе анализа коммуникативно-прагматического потенциала английских пословиц. Обусловленность многих языковых изменений характеризует непреднамеренный результат спонтанных действий человека в силу адаптации языка к познанию и общению.

Согласно анализу практического материала,okkaзиональная трансформация пословиц обладает прагматической заданностью, что способствует обеспечению эффекта обманутого ожидания, привлечению внимания реципиента, формированию оценочной характеристики и информативности содержания статьи, созданию индивидуального стиля автора, повышению экспрессивности.

При исследовании коммуникативно-прагматического потенциала паремий необходимо принимать во внимание обе стороны, участвующие в коммуникации. Адресат в лице читательской аудитории является конечной целью автора-публициста, поскольку любому автору важно работать, прежде всего, для своего читателя.

В рамках современных исследований в паремиологии актуализируется функционирование традиционных и новых паремий, их функционально-стилистическая интерпретация и трансформация. Данный универсальный прием широкого использования характерен как для языка художественной литературы, так и массмедийного дискурса.

Стандартное использование пословиц в их узуальной форме подвергается авторской обработке в статьях англоязычной прессы, что обуславливает реализацию их коммуникативно-прагматического потенциала за счет стандартного использования паремий в узуальной форме, творческого подхода, акцентированного применениемokkaзиональных трансформаций, индивидуально-авторских выражений на основе пословиц, существующих в языке и антипословиц.

Следует отметить, что пословица, созданная в рамках конкретной ситуации, может применяться для осмысления многих случаев. Среди конститутивных признаков паремий, объективированных в контексте их употребления, выделяют их народность, традиционность, частотность, мудрость, истинность, изложение суждений наблюдения и опыта народной массы.

Прагматическая заданность паремий обусловлена механизмами, которые соотносят язык с контекстом его употребления.

Проиллюстрируем примеры узуального использования пословиц, акцентированных в англоязычной прессе.

Пословица выступает как инструмент, посредством которого осуществляется обращение, способ взывания к аудитории (адресату).

The promised referendum on changing to the alternative vote (AV) electoral system must happen, and happen soon. AV is less than the proportional representation Britain needs and deserves; but just because it is a less radical change, clearly keeping the MP's personal link with the constituency, it may have a better chance of winning the popular vote. **A bird in the hand is worth two in the bush.** If it passes, constitutional change will not stop there [1].

В данной статье речь идет об обещанном референдуме по переходу на альтернативную избирательную систему, который должен состояться в Британии в самое ближайшее время. Автор публикации отмечая данное явление в политической жизни страны как менее радикальное изменение, направленное на сохранение личной связи депутата с избирателями, предполагает, что данная система обладает большими шансами на победу во всенародном голосовании. Оперирование пословицей «Лучше синица в руках, чем журавль в небе» взывает к читательской аудитории пересмотреть конституционные изменения.

Opposites attract. The late-flowering bond between Bill Clinton and George Bush Sr is so unlikely that the two ex-presidents, from either side of America's political divide, have been dubbed the Odd Couple. Is it just a shared love of golf, or could there be deeper motives behind their extraordinary friendship? And what does George Jr make of it all? By Julian Borger [2].

Привлечение внимания общественности к зарождению отношений Билла Клинтона и Джорджа Буша-старшего и предположение о маловероятном развитии данной связи достигается за счет употребления паремии «противоположности притягиваются», что обуславливает обращение к адресату с размышлением о необычайной дружбе двух бывших президентов.

Употребление пословиц в исходной форме в текстах газетных статей свидетельствует о том, что посредством высказываний, заключающих народную мудрость, предполагается объективация определенного отношения говорящего к содержанию высказывания статьи.

Иногда для авторов статей для осмысления определенной жизненной ситуации свойственно ссылаться на бытующее авторитетное мнение, но

при этом не принимая на на себя ответственность за истинность этого суждения, выражая некую беспристрастность. Например:

They say **opposites attract** ... but nobody told Trump and Merkel .... The German chancellor and US president represent contrasting poles of the western alliance, and every moment of their awkward encounter shouted it [3].

A correction in the housing market is no bad thing - not least because it makes it easier for first-time buyers. Unfortunately, it is likely to be a very messy business. **No pain, no gain**, some will say [4].

В некоторых публикациях авторы-журналисты поддерживают суждения, актуализированные в пословице, репрезентируя бытующее в обществе мнение как свое собственное:

I guess it's easy to claim that **the pen is mightier than the sword** from the safety of a university lecture hall, or a middle class soiree in a suburban dining room. However, in the bandit country that is Hebron, the adage rings somewhat hollow, as I found after spending a day out on patrol with Temporary International Presence in the City of Hebron [5].

Непосредственное обращение к аудитории базируется на общем знании суждения, объективированного в пословичной паремии, в качестве точки соприкосновения пишущего в лице адресанта и читающего в лице адресата, что акцентирует совпадение когнитивных баз коммуникантов, зачастую направленных на достижение особого эффекта доверительности, сходства, некой общности:

Sorry, **you cannot step into the same river twice**. Things move on, even if some people do not. One of several reasons why 7/7 is not the same thing as 9/11 is that it happened in a society that was braced for it rather than one that was not - a society that had moved on in incremental ways from 2001 and 2003 [6].

В некоторых примерах прослеживается достаточно четкое обозначение позиции автора относительно суждения, актуализированного в пословице. Автор-журналист своим комментарием поддерживает заявленное в статье суждение:

A later study by de Castro discovered that who we eat with also affects indulgence levels. Women ate 13 % more when dining with a man (men's intake wasn't affected by the gender of their companion). And meals with spouses, family or friends are 22 %, 23 % and 14 % larger, respectively, than meals eaten with other people. We eat more when we're in relaxed company, which figures. De Castro also found that we eat faster with our families and slower with friends. Maybe we should just accept the age old fact: **there are different strokes for different folks** [7].

Home is where the heart is, to be sure. But home may also be where the money is these days, as Americans put away their dancing shoes and come back home again. At least, that is what publishers of the elite home-design magazines are betting on [8].

либо акцентирует опровержение:

Necessity is hardly the mother of all inventions. Just ask Donald Spector, inventor of the aromatic record player, swimsuits that change color and, most recently, the popcorn sculpture [9].

Непосредственное вербальное окружение паремических единиц в газетных статьях обусловлено применением журналистами:

1) вводных формул, так называемых пословичных парентез, для актуализации введения или ссылки на паремию:

Colin Firth's well-turned-out secret agent is both homage and mickey-take of Bond in Matthew Vaughn's second adaptation of deliriously irreverent Mark Millar material. They say the clothes make the man, and these are some killer duds.

Colin Firth is both ludicrously British and modern-day Hollywood in Kingsman: The Secret Service, the wildly enjoyable new film from Matthew Vaughn. His Harry Hart muses on the importance of a bespoke suit one moment and dispatches a band of villains with precise alacrity and nifty gadgets the next. They say **clothes make the man**, but it's a rare man who doesn't turn that maxim on its head from time to time, bending fashion's dictates to his own tastes and whims [10].

2) прилагательных, наделяющих паремию определенной коннотацией и тем самым раскрывающих отношение автора к заключенному в ней суждению:

Benito Mussolini was once asked if he agreed with the commonly held view that **the pen is mightier than the sword**. "No," Il Duce replied wisely, "because you cannot stab a man to death with a pen?" [11].

Выделенные средства указывают на статус общеупотребительных паремий и направлены на способы передачи собственного отношения автора к пословичной «назидательности».

Как правило, основные характеристики пословиц, акцентированные собственно языковыми единицами, репрезентированы понятиями возраста, мудрости, традиционности, народности, всеобщности.

Лексические единицы, обозначающие особенности возраста: age old, chestnut, well-worn, old, hoary, ancient, extra-mossy, stale.

Мудрость или истинность объективируются посредством единиц truism, bollocks, fact, wisdom, unlikely, true to, в то время как понятия традиционности, народности, всеобщности реализуются посредством popular lore, general, chestnut, stock phrase, almost universal, commonly held.

Реализация значения окказиональных единиц определяет специфический характер контекста, который, в свою очередь, определяется формирующим, созидающим контекстом и характерным для узуальных единиц контекстом воспроизводящим.

Окказиональное соотносится с узуальным или общеупотребительным лингвистическими явлениями, поскольку определяется такими категориями как норма, язык, речь. Окказиональность, как проявление на

уровне языка, способствует развитию, в частности, семантических, словообразовательных и грамматических возможностей системы языка.

В нашем исследовании окказиональное употребление пословиц понимается как отклонение от нормы, их модификация на лексическом, семантическом, стилистическом, грамматическом или синтаксическом уровнях. В свою очередь, норма в данном случае обусловлена стандартным употреблением паремий в их узуальной форме.

Таким образом, окказиональная трансформация пословиц обладает прагматической заданностью, способствующей обеспечению эффекта обманутого ожидания, привлечению внимания реципиента, формированию оценочной характеристики и информативности содержания статьи, созданию индивидуального стиля автора, повышению экспрессивности.

Библиографический список

1. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/may/12/coalition-britain-new-politics>
2. <https://www.theguardian.com/world/2005/jul/01/usa.foreignpolicy>
3. <https://www.theguardian.com/world/2017/mar/17/angela-merkel-donald-trump-sketch>
4. <https://www.telegraph.co.uk/finance/comment/tracycorrigan/2791038/We-will-foot-the-bill-for-banks-excesses.html>
5. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2008/jan/12/themightofthesword>
6. <https://www.theguardian.com/politics/2005/jul/12/iraq.foreignpolicy>
7. <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/wordofmouth/2014/oct/14/why-eating-with-other-people-makes-us-fat>
8. <https://www.nytimes.com/1994/01/23/nyregion/usually-home-is-where-the-heart-is.html>
9. <https://www.nytimes.com/1988/12/31/business/patents-celebrating-the-artistic-and-fanciful.html>
10. <https://www.theguardian.com/film/2014/dec/30/kingsman-the-secret-service-first-look-review>
11. <https://www.theguardian.com/sport/2004/mar/20/sixnations2004.rugbyunion3>

III. FUNCTIONING OF LANGUAGE UNDER CONDITIONS OF MULTILINGUALISM

ОСОБЕННОСТИ «БИЛИНГВАЛЬНОГО ПИСЬМА» В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале творчества Б. Анфиногенова)

Н. В. Кондратьева
Л. А. Чернышева

*Доктор филологических наук, доцент,
магистрант,
Удмуртский государственный
университет,
г. Ижевск,
Удмуртская Республика, Россия*

Summary. The article deals with the analysis of bilingual texts in young Udmurt poet B. Afinogenov's poetry. It is discussed that "bilingual writing" helps to create a lyrical character of a specific type – a young modern Udmurt who moves from a village to a town and looks for his identity and ways of keeping his Udmurt "self".

Keywords: Udmurt literature; Bogdan Afinogenov; bilingual writing; opposition between village and town.

Каждый конкретный язык представляет собой особую систему, где лингвистические и культурологические единицы языка откладывают свой отпечаток на сознание его носителей и формируют их картину мира. В этом контексте особый интерес представляют произведения двуязычных авторов, использующих в одном художественном тексте языковые элементы двух или более языков. Необходимо подчеркнуть, что художественный билингвизм как факт литературного творчества прослеживается уже с античной эпохи. Но особую актуальность исследуемое явление во многих национальных литературах приобрело в последние десятилетия. Ярким примером вышесказанного является поэтический сборник молодого удмуртского поэта, музыканта Богдана Анфиногенова «Айшет будущего» [1].

Выбор билингвального письма удмуртский автор обосновывает стремлением привлечь внимание подрастающего поколения к изучению родных языков: «Если говорить о какой-то задаче моего творчества, то для меня она как раз в привлечении таких как я обрусевших удмуртов, детей, подростков, молодых людей к родной культуре. Они оказываются вне культурного контекста, так как не знают языка» [2].

Билингвальные произведения Б. Анфиногенова имеют особую архитектуру: в одной группе стихотворений доминирует удмуртский язык как канва произведения; в другой – русский язык. Но в том и другом случае иноязычные вкрапления гармонично вписываются в общую идею ху-

дожественного текста. В творчестве удмуртского автора присутствуют также стихотворения, в которых представлены элементы из трех и более языков: *Знак бесконечности завис / Через Bluetooth... / Мыным кельше тямыс. / Чебер лыдпус* [1, с. 79]. Их основная функция – расширение культурного контекста. В следующем стихотворении приводятся также лексемы и фразы из хантыйского языка, позволяющие создать особый колорит: *Я, увы, не студент ЮГУ. / Я всего лишь удмуртский клец. / У вас «тЫлац», у нас «толЭзь». / Вуца олатэ. Зечбуресь* [1, с. 119].

Как и для любого билингвального произведения, для стихотворений Б. Анфиногенова характерны явления «интерференции» (речь идет об отклонениях от нормы, когда первый язык влияет на второй) и «интеркаляции» (представляет собой обратный процесс влияния второго языка на родной). Естественно, каждый из указанных явлений, в зависимости от художественного замысла автора, может находить свое выражение на разных лингвистических уровнях: в частности, подчеркивая особенности «удмуртского» произношения шипящих, Б. Анфиногенов использует приём аллитерации, именно поэтому лексему «считая» графически оформляет как «щитая»: *Сюлык [с'улык] / Невесте шею прячет / Шайтан / Окутал дымом дачу / В пещере / Вспыхнул тыл-инвис / Щурёночек / Жалобно скулит / Щитая / То что он забыт / Сюлмысь [с'улмыс'] / Прищуриться бы надо / Шобрет улын / Вужмем сюртук / Две пары глаз / Синъёсы [с'инъосы] взгляда / Кышкыт сямен [с'амэн] / Две пары рук* [1, с. 72].

Явление интеркаляции особенно ярко прослеживается на лексическом уровне: так, лексему «разноцветный» автор стихотворения трансформирует в слово «разнобуёловый»: *На перепутии / сылэ со, ми тусо / Мультиудмуртии / Разнобуёловый фасон* [1, с. 41].

Интересно подчеркнуть, что удмуртский автор использует две традиции написания удмуртских слов/фраз: а) чаще всего применяется литературная форма удмуртского языка: *Лымы тёдъы / белый снег / осыпает кругозор / мы – медведи / дело – в сне / мы – орнамент / мы – узор* [1, с. 37]; б) но имеется ряд примеров, когда удмуртские лексемы представлены в латинской транскрипции: *Мон Justari, / гламурной Justari. / evel viz'mo, evel zador, / зато – cheber, зато – motor* [1, с. 106]. В данном произведении для своего лирического героя Б. Анфиногенов создает авторское имя собственное *Justari*, что, скорее всего, соотносится с лексемой *зустари* 'тряпка'. Характеризуя лирического героя, автор подчеркивает: *evel viz'mo* 'не умный', *evel zador* 'не задорный', но *cheber* 'красивый' и *motor* 'знатный'.

Как отмечает К. Г. Коровина, писатель-билингв обычно «не только выступает автором создаваемых текстов, но и критически оценивает возможности текстопорождения на используемых им языках» [3, с. 3]. В этом ключе особый интерес представляет стихотворение «Японщина», где к удмуртским лексемам автор подбирает близкие по созвучию японские культурные реалии: *Байгурезь – не Фудзияма, / Байтуган – не Бакуган, / Был*

нунал. Шунды сияло. / Глина липла к сапогам. / Кимоно – не азыкышет, / Ибырвесь – не икебана <...> [1, с. 104]. Подобная языковая игра позволяет целенаправленно создавать оппозицию свое/чужое, опираясь на традиции народной культуры, реалии окружающей жизни, как бы странно они иногда ни проявлялись.

Б. Анфиногенов экспериментирует не только на уровне образной системы, но и на уровне использования переводов. В частности, следующее стихотворение имеет трехчастную структуру, где первую и вторую части формируют фразы *Уй. Пеймыт. И мы* в их их зеркальном переводе *Ночь. Темно. Но ми: Уй. Пеймыт. / И мы. / Умыт / Мир. / Ночь. Темно. / Но ми. / Горд вир. / Тон ышид / Туннэ. / Это турне / Поместим / В интернет* [1, с. 46].

Исследуя билингвальное письмо Б. Анфиногенова, можно отметить также употребление звуко-символических приёмов и аллюзий разного типа в тексте, использование специфичной лексики, связанной с удмуртской культурой или современными реалиями. Как подчеркивает сам автор, он создаёт «новый» жанр письма под названием «свободное плавание»: *Та кылбуръёс просты, как баклажан, / Они поменьше, чем роман «Гаян». / Я открываю новый жанр, / Со нимаське «эрик уян»* [1, с. 79].

Использование приемов билингвального письма позволяет реализовать дополнительную смысловую, эмоциональную, экспрессивную нагрузку, создавать ситуативно-речевой комизм. Все это позволяет автору поднимать актуальные для удмуртского общества проблемы, связанные с самоидентификацией удмуртов, их мироощущением и взглядами на будущее.

Библиографический список

1. Анфиногенов Б. Айшет будущего: Кылбуръёс, поэмаос. Ижкар, 2014. 176 с.
2. В Удмуртии «звездой» быть не принято // Национальный акцент. 2018. <https://nazaccent.ru/content/27530-v-udmurtii-zvezdoj-byt-ne-prinyato.html> (дата обращения 08.03.2021).
3. Коровина К. Г. Характеристика художественного билингвизма (на материале произведений В. В. Набокова). Дис. ..соиск. ученой степени кандидата наук 10.02.19 – Теория языка. Тверь, 2016. 192 с.

IV. INTERACTION FOLKLORE AND PHILOLOGY

СТРУКТУРА УДМУРТСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Н. Н. Тимерханова
Ю. А. Сунцова

Кандидат филологических наук, доцент,
магистрант,
Удмуртский государственный
университет,
г. Ижевск,
Удмуртская Республика, Россия

Summary. Udmurt proverbs are diverse in structure: both binomial and monomial. In monomials, the negation technique is especially common. In binomials, polypredicative constructions are common, as well as complex sentences of two parts with a meaning of different conditionality. Infrequently, but still there are mirror-like proverbs in the structure. You can also find proverbs built on the basis of syntactic parallelism. The use of interrogative constructions is peculiar for the Udmurt paremia.

Keywords: paremia; structure; monomial; binomial; negative modality; positive modality.

Пословицы и поговорки впитывают в себя многовековой опыт разных поколений. В них содержится вся народная мудрость, которая накапливалась независимо от политических и экономических ситуаций, исторического периода. Структура пословиц предстает перед нами весьма разнообразной. Удмуртские фольклористы видели схожесть в строении русских и удмуртских пословиц. Однако удмуртское народное изречение своеобразно и имеет свои отличительные черты.

Удмуртская пословица может быть и двучленным, и одночленным построением. При одночленном строении пословицы могут иметь как отрицательную, так и положительную модальность. Например: *Эрик коть малэсь дуно* 'Свобода всего дороже' (весь иллюстративный материал взят из книги Т. Г. Перевозчиковой «Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы, и поговорки» [1]); *Зарезез кобыен уд омырты* 'Море ковшом не зачерпнешь'; *Зэмлыклэсь кыдёке уд пегзы* 'От правды далеко не убежишь'.

Также к пословицам с одночленным построением можно отнести конструкции с широко используемым приемом отрицания: когда субъект и объект абсолютно не связаны. Например, *Кыз борды куар уз поты* 'У ели листья не вырастут'; *Луолэсь гозы уд пуны* 'Из песка веревки не совьешь'; *Турынэз букоен уг турнало* 'Дугой траву не косят'. Или когда отрицание проявляется через необратимость действий: *Потымтэ турынез кабан уд сюры* 'Из невзошедшей травы стога не сложишь', *Эгырлэсь пу уд лэсьты* 'Из угля дрова не сделаешь'. Подобных пословиц с отрицанием в удмуртском языке очень много.

Подобно русской пословице у удмуртов есть и двучленные пословицы. В этом случае она состоит из двух частей, где первая, как правило, содержит условие, уступку, причину, а вторая – следствие, вывод. Например, *Калыкын шулдыр, дорын кӧттыр* ‘В народе весело, дома сытно’. Также могут включаться в высказывание союзы *ке* ‘если’, *ке но* ‘хотя’, *бере* ‘если, раз’ – по структуре это сложноподчиненные предложения: *Калыке ке потӧд, кыллы дышод* ‘В народ пойдешь, языку научишься’; *Валлэсь йырзэ ке лэзид, быжыз борды эн кутскы* ‘Если коня не удержал за голову, не хватйся за его хвост’ – с условием. *Бадьпуэз корад ке но – со пушьэз* ‘Иву хоть и срубишь – она вновь разрастется’; *Абалгы турын чебер ке но, зыныз туж кӧш* ‘Папоротник красив, да запах его неприятен’ – с уступкой. *Дурыны быгатымтэ бере, малы дурыны дауртӧськод?* ‘Коль не можешь ковать, зачем за кузнечное дело берешься?’ – условно-причинное.

Может быть использовано чистое противопоставление либо противопоставление на основе сравнения: *Кырзан гуре шулдыр, нош мылкыд майбыр* ‘Напев (мой) веселый, а на душе благодать’; *Одӧг ньӧр чиге, нош дасэз чида* ‘Один прутик ломается, а десять выдерживают’; *Кылыз – чечы, скулмыз – эгыр* ‘Язык что мед, сердце что уголь’. Встречаются зеркальные по структуре пословицы, созданные при помощи приема «хиазм»: *Кырзакум бӧрдӧсько, бӧрдыкум кырзасько* ‘Пою – плачу, плачу – пою’; *Чидам – чигымтэ, чидамтэ – чигем* ‘Терпеливый не сломится, нетерпеливый сломится’. Также можно обнаружить пословицы, построенные на основе синтаксического параллелизма: *Кечез кеч утча, парсез парсь утча* ‘Козел козла ищет, свинья свинью ищет’; *Вань ке – вань, ӧвӧл ке – ӧвӧл* ‘Есть так есть, нет так нет’; *Кионэз кион уз кеся, пуныез пуны уз си* ‘Волк волк не задерет, собаку собака не съест’.

Типичные для удмуртского языка полупредикативные единицы – деепричастные обороты и деепричастия с суффиксами *-са*, *-тэк*, *-тозь* не обошли стороной удмуртские пословицы: *Чын лыдӧыса ветло* ‘Ходят, дым считая’; *Азьтэм нукуса жаде* ‘Ленивый сидя устает’; *Кизьытэк уг арало* ‘Не посеяв, не жнут’; *Валтэм лытозь, синтэм мед луод* ‘Чем остаться без лошади, пусть лучше ослепнешь’.

Широко используется в пословицах конструкция из двух предложений – бессоюзное сложное предложение со связью типа сочинения: *Пыдыдӧя кутэд, ачидӧя эшед* ‘По ступне лапти, по себе друг’. *Инмарлэн пельыз уг кыл, эксэйлэн синмыз уг адӧы* ‘Бог глух, царь слеп’.

Своеобразным для удмуртской паремии является употребление вопросительных конструкций, что, например, не свойственно русским пословицам и поговоркам: *Мурт шаерын кин куаем?* ‘В чужих краях кто разжирел (отъелся)?’; *Дуннелэн пумаз кин вуэм?* ‘На краю света кто побывал?’. Такие конструкции в удмуртском языке нечастотны.

Для удмуртских пословиц характерна ритмичность, мерность ритмического построения: *Шунды шунтоз, кезьыт кынтоз* ‘Солнце согреет, холод заморозит’; *Пиля пильылоз, Лёгор лёгалоз* ‘Филя пилит, Егор топчет’.

Встречаются и такие конструкции, где отсутствуют ритм и рифма. Для лучшего запоминания используется игра слов и аллитерация, звукопись: *Чидам – чигымтэ, чидамтэ – чигем* ‘Терпение не сломилось, нетерпеливость сломилась’.

В структуре удмуртской паремии часто встречаются средства художественной выразительности, например, обращения: *О, Бектэмыр, чибор бодые, кытчы мынид чӧжши утчаны?* ‘О, Бектэмыр, пестрая палка, куда идешь утят искать?’; сравнения: *Вуэ куштэм писпу кадь тордэм* ‘Разбух, как брошенное в воду дерево’; метафоры: *Гожтэт тодйсьтэм мурт – бурдтэм тылобурдо* ‘Незнающий грамоты человек – птица без крыльев’; гиперболы: *Кылыныз одйг нуналскын город лэсьтэ* ‘На словах в один день город строит’. Художественные тропы используются лишь при необходимости, поэтому они всегда уместны и выразительны. В таких пословицах прежде всего ценится простота и лаконичность.

Таким образом, по структуре пословицы разнообразны: и двучленны, и одночленны. В одночленных особенно часто встречается прием отрицания. В двучленных распространены полупредикативные обороты, а также сложные предложения из двух частей со значением различной обусловленности; часто встречаются конструкции с противопоставлением на основе сочинительной или бессоюзной связи либо с противопоставлением на основе сравнения. Нечасто, но все же встречаются зеркальные по структуре пословицы. Также можно обнаружить пословицы, построенные на основе синтаксического параллелизма. Своеобразным для удмуртской паремии является употребление вопросительных конструкций. В структуре удмуртских пословиц часто используются средства художественной выразительности.

Библиографический список

1. Перевозчикова Т. Г. Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы, и поговорки / Составитель Т. Г. Перевозчикова. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 276 с.

V. LITERATURE TODAY: SUSTAINABILITY OF TRADITIONS AND MODERN TRENDS

THE SUBJECT OF SPIRITUALITY IN THE WORK OF KAMIL AVAZ

S. R. Abdullayeva

*Teacher,
Urgench State University,
Urgench, Uzbekistan*

Summary. The article analyzes the spiritual experiences of the famous Khorezm poet Kamil Avaz in his poems. The ability of the poet to use poetic symbols in the depiction of the human psyche is emphasized. Attention is paid to the art of poetry.

Keywords: Kamil Avaz; Khorezm; poetry; poetic symbol; art.

The talented poet Kamil Avaz, who has witnessed many historical events, is today one of the oldest creators. His fate took shape in the context of the cruel events of the Soviet regime. Sometimes he flew; sometimes he suffered as a victim of the politics of the time. Spiritual experiences in this process could not but stir the heart of the poet. Poems written by a convinced creator can prove it. His poem "I Can't Tell Anyone Else" is composed of painful verses rich in heartache:

At forty-three I was taken prisoner, there were many of my liars,
I cried for a thousand and one nights, my suffering was endless
Is my life enough, after all, my bills, endless,
These words cannot be said to anyone but you [1, p. 49.]

If we look at the verses of the poem, we will see that the poet's support is his loving, kind mother. Because the lyrical hero, who was "forty-three years old," "cried for a thousand and one nights," and calculated his life for freedom, can pour out his grief on anyone but his mother!?

In verses, the poet's psyche is more and more revealed, he skillfully uses the poetic image of a dream in the process of depicting:

I had a cruel, terrible dream this morning
I ended up in a net, in a cage; I turned out to be a captive bird
I woke up sweating a lot; I was unconscious in my dream
These words cannot be told to anyone but you.

Dreams are an echo of the human psyche. Usually "The human psyche is a very vast universe in which emotions and feelings are of two types: the first is perceived, logical, and the second is the subconscious, which do not arise in the subconscious, but also determine the creative power of a person, they rise to the surface" [2]. Most often, these sensations occur in the dream.

In the above verse, the poet's subconscious psyche is manifested, and his emotional experiences are expressed as an echo of his physical condition. The poet continues his dream; then the mother's spirit seems troubled:

You're flying in my dreams embracing with a white body
You sprinkled sweet-scent on all sides and untied your hair
You stole my dreams and embraced my dreams.

These words cannot be told to anyone but you.

There is a belief that the mother's soul is alive. His appearance in the "white body" is a symbol of anxiety. The mother is going to save his son from misfortunes fluttering around him. In these verses, the poet was able to raise the image of the mother to the level of a poetic image and present it as an echo of his psyche.

The spiritual feelings of the poet give an echo in his other poems. He regrets expressing the fate of other poets like him:

If devotion catches its head to hypocrisy,

The face of goodness turns into ink

After all, they were sacrifice for the world

Kodiriy, Cholpon and Usman couldn't hold [2, p. 48].

In the poem, the poet expresses a good aphoristic thought. In his consideration, when sincerity and faith turn into hypocrisy, the face of goodness is plastered by black. Hypocrisy is bad thing. Those who have acquired this habit always made good people sacrifice. The poet also notes with regret that he faced such events:

The deception of the world is spinning around

Enough! My friends sold me to foes secretly

I was afraid to reveal my secret even to me

These words cannot be told to anyone but you.

The poet, fearing the hypocrisy rooted in the world, is afraid even to reveal his secret to himself. This verse raised the poetic imagery of the poem to a new level. It is safe to say that the poet made a poetic discovery by exaggerating a popular phrase.

The poems written by Kamil Avaz during his imprisonment make up a whole series.

Human life is complex; he appreciates all the good only after he stumbles in life. That is why there is a saying among the people that water falls into the sleep of an abandoned person. Our poet also dreams of the importance of freedom in sentencing:

Oh, where is the time, skiing down the street barefoot?

The pleasure of running on a branch like a "horse"

Oh, where are the misleading thoughtful views?

That is spinning my head by every look.

The days are passing shorter and longer,

Summers and falls changes into springs and winters.

There are plenty of sorrows and joys

I envy to the free birds [2, p. 54].

Remembering his youth, the poet yearns for it, pointing to the moments of first love. Emphasizing that the events are transient, he misses freedom, liberty, envies the birds that fly as they please. Poetry teaches a person a lesson from

life, trying to appreciate every day, every minute, to repeat that freedom is priceless. The enlightenment and enlightening meaning of poetry is also there.

The spiritual experiences of the poet of a free, inviolable person in each of his poems are expressed in a new tone:

Freedom, trapped in a distant light,
Prisoners know the taste of freedom.
Dreams are to blame for the distortion
As sparks of fire splash in the snow.

The cage is a cage, although silky,
Who has heard the captive nightingale's voice?
Captive lion also gets mild in a cage
It does not roar, even when it's hungry [2, p. 62].

In each verse of this group of poems, the poet creates unique poetic images. "The spiritual world in poetry is manifested in imagery created by a multitude of artistic elements, primarily poetic images. Poetic images become a key factor in uniting other elements in opening the facets of the spiritual world" [3, p. 7–23.]

Indeed, even in the poems of Kamil Avaz, various poetic images are used in order to more vividly reflect the emotional experiences. In these two verses, poetic symbols such as "mankurt", "cage", "nightingale", "lion" became the main elements of the expression of the inner spiritual world of the poet. The concept of "mankurt" is of great importance. In the 1980s, when Kamil Avaz was convicted in the "cotton case", the totalitarian regime turned our people into cotton monopolies as Mankurt. The poet points out this practice and tries to emphasize that it is absurd to tell the dream to the ruling aliens. The result is clearly expressed in the poem "As sparks of fire splash in the snow". It is known that a spark in the snow goes out immediately.

In the second verse, the poetic images "cage", "nightingale", "lion" are given as a symbol of captivity, and through these images the poet tries to express his opinion. The term "golden cage" is often used in classical literature. In Khorezm, a cage made of silk nets was used to keep nightingales. Since the silk thread is durable, the cell is kept intact for a long time. The poet is referring to this ancient tradition when he speaks of the nightingale.

In the image of a lion, the poet was able to very figuratively express the enslavement of a creature who wanted captivity. Because the lion also understands that it is stupid to leave the cage in vain, and comes to the conclusion that in captivity he will be humble. Consequently, a decision arises that a stronger iron will than a cage is needed to overcome captivity. These images are inextricably linked and reflect the spiritual experiences of the lyrical protagonist. Speaking of these images, the poet believes that the only way is to seek refuge with Allah:

From the troubles of heart attacks
Don't suffer, my surviving soul,

From the copies of the resurrection,
Don't suffer, my flowing blood .

Fortunately, not only are equal, but still
Strong hearts don't cut words.
Let the strength of the parting be preserved,
Keep himself under the shelter of Allah [3, p. 63].

The poet still knows that looking to the optimism future with hope is his duty. From this point of view, the poems written by the poet in a depressive situation also urge the reader to hope, perseverance and stability. From this category of poems, the reader draws many life lessons, trying to protect himself from the thorny paths of life. He appreciates it.

Bibliography

1. Комил Аваз. Ўтаётган вақт. – Т.: “Янги аср авлоди”, 2006. – Р.49
2. Жаббор Эшонкул. Миф ва бадиий тафаккур. – Т.: “Фан”, 2019. – Р. 138-139.
3. Умирзокова Н.Т. Усмон Носир шеърлятида руҳият тасвири. Филол.фан.ном. дисс.автореферати. – Т.: 2005. – Р. 7. (23)

LITERARY CONVERSATION IS AN OPPORTUNITY FOR LIVE COMMUNICATION

S. Bekchanova

*Undergraduate student,
Urgench State University,
Urgench, Uzbekistan*

Summary. The article discusses one of the leading genres of Uzbek literary criticism – the possibilities of literary dialogue. The peculiarities of the literary dialogues of the independence period, the problems raised in them are analyzed.

Keywords: criticism; literary dialogue; analysis; debate; genre; critic; literary process; creative personality; literary-critical approach.

The role and importance of criticism in today's literary process is more important than ever. After all, the period of independence, Uzbek literary criticism is enriched with new principles. The essence of Behbudi's "criticism is selection" is well understood, and the achievements of criticism are growing. In particular, the possibilities of the literary conversation genre of two or more individuals based on live communication are expanding, and in-depth, content-rich, debate-rich conversations are published on a variety of topics.

It is known that a number of researches have been carried out on the genre of literary conversation, its requirements and peculiarities. The problems of critical genres in classical literature have been extensively studied in the scientific works of A. Hayitmetov, B. Valikhojayev, H. Qudratullayev, H. Umurov, B. Nazarov,

O. Utayev, Sh. Ahmedova. Rasulov presents genres of literary criticism, such as reviews, literary reviews, problematic articles, literary portraits, essays, scientific-biographical, critical-biographical research. Scholarly research has also provided some insight into the genre of literary conversation [1, p. 168–275]. Research on the development of genres of literature and literary criticism in the 60s and 70s of the XX century, such as review, literary review, memoir, literary portrait, review-letter, review-discussion, review-monograph, article-dialogue, article-conversation, literary thought is recorded.

Studying the development of literary criticism in the early twentieth century, R. Tadjibayev shows that there are genres such as commentary, review, letter, article, conversation, debate and discussion, based on the material of that period.¹ It is felt that certain principles should be relied upon in the classification of genres such as scientific-biographical research, critical-biographical, scientific-popular essay, literary portrait, literary dialogue, debate. In recent years, some interest in these issues has grown, as evidenced by some dissertations, articles, manuals, and textbooks. They cover the genre of literary dialogue, which is an active genre of literary criticism. In particular, in the researches of Sh. Akhmedova the genres of criticism, in particular, the genre of literary dialogue are considered [2, p. 157]. This genre plays an important role in Uzbek literary criticism in the work of a number of literary critics. The peculiarity of the conversation in Uzbek literary criticism is described in U. Normatov's "Education of Talent" (Talant tarbiyasi), "Sayings on beauty" (Nafosat Gurunglari), "The Magic of Creation of art" (Ijod sehri) I. Hakku-lov's "Garden, blossom of gazal" (Gazal Gulshani), "Kim nimaga tayanadi" (Who relies on what), S. Matjanov's "Water of vitality" (Tiriklik suvi), Otayev's book "Gurungs-gossips or sayings in Creativity room" (Ijodxonadagi gurunglar). In addition, literary critics such as B. Karim, U. Hamdam, N. Jabborov, H. Dostmuhammad are widely using the opportunities of the literary conversation genre. In Uzbek literature and criticism, there are also roundtable discussions with several interlocutors. In recent years, "Poetry of the Independence Period" [3, p. 28–83]. with the participation of U. Normatov, B. Nazarov, B. Sarimsakov, I. Gafurov, N. Rahimjanov, K. Yuldashev, S. Meli and P. Kadyrov, U. Normatov, A. Rasulov, N. Khudoyberganov, B. Nazarov, D. Alimova.

In recent years, literary conversation has been organized on a number of topics, such as the literary process, the creativity and activity of writers, literary types and genres, current issues of literary criticism. Conversation is a very diverse genre in terms of subject matter and content. "If the conversations between literary critics are more about the literary process or specific theoretical issues, the focus of the creative-critical dialogue is on that writer's current literature, in general, the goal is to shed light on his thoughts on artistic creation. The main advantage of the conversation is that it has the opportunity to express an opinion on a number of issues in an exclusive way. The point is, such interlocutors may not address these issues again in the course of their work, but their views on them will be reflected in the conversation and become popular. The fact that the interlocutors complement each other and clarify their views in the course of the conversation allows us to take a deeper look

at the essence of the issue". As noted above, the possibilities of the genre of literary dialogue are much wider, and in recent years a number of dialogues devoted to the problems of today's literary process of literary criticism in the literary dialogues of a number of literary critics and creators such as U. Normatov, I. Gafurov, N. Jabborov, U. Hamdam, H. Dustmuhammad, U. Jurakulov. and others have been published. In today's literary process, the dialogue between critics and literary critics is gaining momentum in the periodicals, in particular, in the newspapers "Uzbekistan literature and art", "Sharq yulduzi", "Uzbek language and literature". In addition to discussing the most important issues of the literary process, critics and literary critics raise topics of interest to young literary critics and literary enthusiasts, which in turn shows the growing interest in literary conversations.

Literary conversations take many forms, one of which is a creative dialogue with a writer (writer, poet). The conversations of the great representatives of Uzbek literature, such as P. Kadyrov, O. Yakubov, O. Hoshimov, A. Aripov, E. Vahidov, U. Hamdam, with young writers are interesting not only for the literary community, but also for the public. Because such conversations discuss interesting topics related to the inner world of artists, the process of creation of works, the psychology of creativity.

Conversations of literary critics with writers and poets, conversations of literary scholars are often covered in the press, and comments on the problems of the literary process and works of art are made available to the general public. In particular, in an interview entitled "The need to see the world anew," the critic U. Normatov talks with the poet and writer, scholar Ulugbek Hamdam. In this conversation, the critic U. Normatov shares his questions with the young poet, artist Ulugbek Hamdam, who in turn receives answers to his questions from the teacher-critic. The conversation will cover issues of Uzbek poetry of the independence period, modern literature and the form and content of poetry. The interview, based on Umarali Normatov's book "The Magic of Creation", is a wide-ranging collection of interviews between teacher and student from December 2001 to July 2002. The conversation will focus on Uzbek modern poetry, which has taken on the character of a literary phenomenon over the past decade, and its similarities and differences with the world modernist movement. It is well known that during the years of independence, literary critics have expressed different views on modernist literature. While many critics and literary critics approve of modernist literature, some have expressed negative views about it, and this debate continues to this day. Umarali Normatov also expressed his views on the concepts of "modernism" and "absurd" in a conversation with D. Kuronov, and in a conversation with the poet and writer, literary critic U. Hamdam, he further enriched, substantiated and explained these views with examples: absurd is a unique set of observations about the world, life, the meaning of living. The absurd work is valuable in that it has become a habitual life event, encouraging new perceptions and debates of processes. The work of the absurd is not indifference, but the product of rebellion in the mind and heart. Let's not forget the words of Camu, the owner and theorist of the absurd, "Absurd is a mind that understands its limits," "I expect from the absurd what I ask of the mind-

rebellion, freedom and diversity!" "The critic also noted that much has been said about modernism in recent years: "Modernism is an important phenomenon in world literature, art in the twentieth century, a factor that determines its originality, M. Proust, F. Kafka. It is no secret that a new trend, such as J. Joyce, Eliot, E. Pound, A. Camus, has opened a whole new era in the development of the art of speech. They have thousands of colleagues, followers, followers in different parts of the world. Modernism is not just a literary-artistic experiment, the result of formal-methodological research, but it has its own philosophical-theoretical basis for a new view, understanding, comprehension, interpretation of the world, man... The ideas of such creators are a new literary trend served as a basis for their directions. Such debates continue in the literary process today, and serve to enrich the literary process and to clarify some of the problems that need to be addressed. So, in the development of literary criticism, one of the most interesting genres of dialogue is the role of literary dialogue. Interest in this genre is growing in the literary criticism and literary criticism of the independence period. Because in the process of literary conversation, the literary process, experts and readers, at the same time, witness different views on this or that problem, on the solution that is of interest to many, or on the issue that is expected to be covered. Only during conversations can these opportunities be available. Conversations and roundtables are important for inspiring new ideas, consolidating and expanding existing ones, and giving up some ideas.

Bibliography

1. Khudoiberganov N., Rasulov A. Uzbek Soviet literary criticism. T. : Teacher, 1990. 168-p; Rasulov A. The problem of analysis and interpretation in modern Uzbek criticism. Ph.D. ... dis avtoref. T., 2002. 275-b.
2. Yuldashev B. Critical skills and literary process. T. : Fan, 2002. 157-p.
3. Tadjibayev R. From the history of literary criticism of the early twentieth century. Candidate of philology subjects ... dis. T., 1993. pp. 28-83.
4. Ahmedova Sh. The structure of genres of Uzbek literary criticism candidate of philology subjects . T., 1993. 46-p.
5. Literature and art of Uzbekistan. May 20, 2005.
6. Literature and art of Uzbekistan. August 22, 2005.

THE SKILLS OF A LITERARIAN

M. Yuldasheva

*Undergraduate student,
Urgench State University,
Urgench, Uzbekistan*

Summary. The article analyzes the peculiarities of the prose of the People's Writer of Uzbekistan Utkir Hoshimov, his novels, their theme and idea, the writer's skill and art in creating images. The author's skill in using folklore in his works such as "There is light, there is shadow", "Lives in the dream" is also considered.

Keywords: writer; art; skill; tradition; originality; novel; theme; style; hero; character.

Uzbek literature is rich in rare talents and extraordinary talents. There are writers who can create works that will appeal to everyone, no matter what subject they write about. Utkir Hoshimov was such a versatile and delicate writer of Uzbek literature. The author, who brought a special atmosphere to our literature with his story "Desert Air" created unique works in the long period before the work "Inscriptions in the frame of the notebook". As the author himself says: "If you write a work, when the reader reads it, he forgets everything, he lives the life of the character of the work. If he stays up all night the day when he finishes reading the book. If he gets excited again when he gets the book again one day into his hands". The author's works "Between Two Doors", "There is light, there is shadow", "The affairs of the world", "Life spent in a dream" are among the works that are read with excitement and trembling, and are deeply rooted in the hearts of readers. U. Hoshimov selects the characteristic features of the landscape, situation, details that develop the system of events connected with the general idea and turns it into vital material.

Utkir Hoshimov was able to organize his twenty-story work around the image of the Mother in the works of the world, and in the novel "Between Two Doors" he placed seven parts, forty-seven chapters, the lives and destinies of about a hundred heroes in a cross-plot composition. In his novel "Life spent in the Dream", the author skillfully describes a special period, a special situation, a problem.

The analysis of the spiritual world, which is based on the life of the character and the evolution of society is the basis of the novel "Lives spent in the Dream." In the play, the author spreads the peculiarity of his style – the integrity of the spirit of yesterday, today and early – into artistic textures. The product of a living spiritual environment – the life and tragedy of the Commissar – is contrasted with the perfection of society as a whole. In fact, the generalized contradictions of the period are reflected behind the character. In the novel, the image of Aunt Kurbanoy is given in a gradual way. The role of women in society is in a sense a process associated with activism. However, despite the purity and honesty of Aunt Kurbanoy, her emotional world was plagued by social injustices. Nevertheless, the woman maintained a sense of tolerance and confidence in

goodness. These qualities are reflected in his speech and activities. The phrase "Autumn is like a sick man on a deathbed" applies not only to the character, but also to the period, environment, and society in which the play is portrayed. We have never read such a sad novel in Uzbek literature." [1, p. 208]. literary critic U. Normatov admits that this work captivates the heart of the reader from the very first sentence.

The skill of the writer is that he describes living people, writes on topics that he knows and deeply understands. "In any work, the image of the inner life of the people is expressed in all its complexity, it lives and influences the human consciousness, encourages the fight against the evils of society, directs its activities to the good. This is the nature of Utkir Hoshimov's works. We see this in the novel "There is light, there is shadow" [2, p. 287].

Utkir Hoshimov's novel "There is light, there is shadow" paints the relationship between people and the confusion that arises in this relationship, the flaws in society that are created only by people themselves. The proverb used in the novel and the aphorisms used by the author add to the reader's enjoyment of the work.

In "There is light, there is shadow", the author weighs the hardships of the war years, love and hate, injustice in society on the scales of justice, and manages to show the reader the full truth. The author writes about the events in the work, from the eyes of a small child to the worldview of an old man, in the "I" of each of them. When she speaks in the language of a child, she becomes the world of little Zulayha, and when she describes the feelings of a woman, Zuhra and Shoir Elmira become the world of brides.

As Munaqqid A. Rasulov noted, "There is light, there is shadow" is an achievement of the writer, in which the author's position is transferred to Sherzod – the protagonist. "In many ways, Sherzod was Utkir Hoshimov himself: he works for a newspaper and goes on business trips and has heart disease. Most importantly, Sherzod went on a business trip to Badakhshan before being hospitalized, and wrote about Nurkhana being built in Murgab ... New heroes, new interpretations have emerged" [3, p. 286–287].

Folklore and aphorisms written by the author play an important role in vividly reflecting the spirit of the protagonists. The author aims to convey his life conclusions to the reader through the image of Sherzod. For example, Sherzod is hospitalized due to deteriorating health and is convinced of this:

"In general, the human mind is always late," he thought with a deep sigh. "We know the value of everything when it is gone." Even the value of each other."

Or if we look at Sherzod's comments about his impressions of Sayfi Sokievich, a patient in the same ward with him, these ideas are also common among people, but this fact does not justify itself throughout the work. Because, as Sayfi Sokievich Sherzod concludes, it turns out that he is a "man" who values everything, even humanity, in terms of money. Sherzod, an honest young man who seeks the best in everything, is in the tradition of calling Sayfi Sokievich a

"human being" this time as well: "The wise men were right. First impressions are long-lasting, but they are often mistaken.

Or, it would be appropriate to recognize the ideas expressed in the language of Dr. Rauf Abdullayevich not only as advice to doctors, but also to humanity: "During the operation, the surgeon considers the person closest to him a stranger. In medicine, hesitation means defeat." [4, p. 16].

In the play, the author emphasizes at every step that the purpose of living in this life in the person of his hero Sherzod is to make a good name.

"When the time comes, the birth of a person seems normal, and death always seems unnatural. In fact, death is not uncommon."

Sherzod, the character of the play, realizes these conclusions by seeing an old man who died suddenly.

The protagonist, Sherzod, had a strong sense of honesty that he himself could not deny, perhaps because his father had said from a young age that "the rights of many are worse than the rights of orphans." While the author draws life conclusions from the language of the protagonists, these ideas are, in our view, teaching the philosopher-writer to live rightly to anyone who wants to understand life as his own wisdom.

The following idea, expressed in the language of the prince, states that man must know how to live independently in this life, and in order to live independently, man must have his own opinion: "Where there is dependence, creation dies." [4, p. 101].

Through the image of the Poet, who is light-hearted in life, the path she chooses to be "correct", on the contrary, the director, whom she believes in and is devoted to, is the one who puts the protagonist in every situation. It is illustrated by the fact that those who do not understand the value of an honest spouse are faced with various blows of fate. That is: "Usually, a person immediately sees the shortcomings of others and does not notice his guilt." [4, p. 174]. The poet was the same. Sherzod was able to explain his shortcomings to him.

Proverbs, which are examples of folklore that are embedded in the content of the work, also give a special spirit to the work. In revealing the world of the heroes, U. Hoshimov refers not only to the description of the situation, but also to the folklore based on their simplicity. The author also pays special attention to the use of proverbs, which are examples of folklore, and their transmission to future generations.

Proverbs were used effectively to express the spirit of the heroes:

"Knowledge is like digging a well with a needle" [4, p. 44]; "A friend in need is a friend indeed" [4, p. 107]; "The Burning Boot Cools Quickly" [4, p. 139]; "Cursed is he who does not see" [4, p. 40]; "The horse finds, the donkey eats" [4, p. 140]; "If Break Your Hand, Hide It in Your Sleeve" [4, p. 148]; "The head of man is the stone of Allah" [4, p. 228]; "The incident is between the eyebrow and the eyelid" [4, p. 246].

In shortly speaking, the talented writer Utkir Hoshimov not only narrates the events, but skillfully brings to the reader's heart the various processes of hu-

man life, the wonderful magic of emotions. In the prose of the writer, the true lines of the nation's spirituality and spirit are displayed. The contribution of the author's works to the development and fame of modern Uzbek literature is invaluable.

Bibliography

1. Normatov U. The magic of art. – Tashkent, “Sharq”. 2007. P. 208.
2. Karimov H. Literary portraits. – Tashkent, “Yangi nashr”. 2017. P. 287.
3. Rasulov A. Artistics is a non-stop news – Tashkent, “Sharq”. 2007. P. 286-287
4. Hoshimov U. There is a light, there is a shadow. – Tashkent. “Sharq”. 2017. P. 16. Upcoming quotes taken from this work will be given in brackets in next sentences.

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ Л. Н. ТОЛСТОГО И ЛУ СИНЯ

(на материале романа «Война и мир» и сборника «Блуждания»)

Р. Ф. Бекметов
Чэнь Сюэцин

*Доктор филологических наук, доцент,
магистрант,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Summary. In the artistic systems of Leo Tolstoy and Lu Sin a prominent place is given to the image of person. Each of these writers describes it in their own way. If Leo Tolstoy is attracted by the physical aspect of human presence in the world, when hidden spiritual sensations are embodied in the play of external movements, facial expressions and gestures, then Lu Sin is primarily interested in the person in his abstract experience, which nevertheless does not exclude portrait characteristics. Lu Sin was greatly influenced by Russian classical literature. But his verbal and aesthetic psychologism includes, of course, national traditions.

Keywords: Russian literature; Chinese literature; Leo Tolstoy; Lu Sin; artistic (literary) anthropology.

В художественных системах Л. Н. Толстого и Лу Синя весьма заметное место занимают образы человека. В этом нет ничего удивительного: искусство, в том числе литература, глубоко антропологичны. В свете сказанного характерно то, как теоретики структурализма определяли понятие текста. Текстом, как известно, они считали любую «конструкцию», включающую смысловой элемент. Трактовка текста у них была предельно широкой: им мог быть локус природы, оставляющий по себе определенное впечатление, человеческая жизнь от рождения до смерти, произведение искусства, вызывающее ту или иную эмоцию, то или иное направление мыслительной реакции. В случае искусства подчеркнуто утверждалось, что текст коммуникативен: во-первых, он создается автором (совсем не важно – творческой личностью или коллективным способом, как это про-

исходит в фольклоре, бесписьменной литературе), то есть человеком; во-вторых, он исходно предназначен для читателя / слушателя / зрителя – человека, способного понять и оценить созданное в муках напряженных усилий; в-третьих, его внутренний мир связан с человеком. Краткая и емкая формула искусства в диалогическом измерении выглядит так: «человек – для человека – о человеке».

Русский и китайский писатели-классики изображали человека по-своему, в соответствии с собственными задачами литературного сочинительства.

В самом деле, Л. Н. Толстого привлекал «телесный», пластический аспект описаний. Об этом в толстоведении сказано достаточно (см.: [3]). Приведем один показательный пример из большого и разнообразного числа эпических эпизодов и картин.

В романе «Война и мир» имеется сцена посещения некоей дамы («высокой, полной, гордой») семьи Ростовых. После вежливого светского разговора наступило естественное молчание. Мать семейства, графиня, как пишет автор, «глядела на гостью, приятно улыбаясь, впрочем, не скрывая того, что не огорчится теперь нисколько, если гостя поднимется и уедет» [2, с. 46]. Перед нами – яркий образчик толстовского психологического повествования. Графине скучно вести пустую беседу с гостьей. Прямо и решительно сказать об этом она, конечно, не может, ибо, живя в обществе, человек подчиняется определенным моральным законам. Выразить явно, напрямую нежелание общаться с кем-либо – значит, не столько унижить другого, сколько продемонстрировать личную невоспитанность, а это недопустимо. Вместе с тем для Л. Н. Толстого важно указать на внутреннее состояние графини, и он прибегает к приему мимического порядка: она «улыбается», то есть отдает должное нормам социальных связей, и одновременно не скрывает того, что хотела бы сейчас остаться с семьей, без посторонних («не огорчится теперь нисколько»). Далее, дочь гостии стала оправлять платье, «вопросительно глядя на мать» [2, с. 46]. Это знак понимания ситуации, намек на то, что нужно покидать хозяйку. Момент тягостного молчания ознаменован неожиданным событием: в комнату после шума в детской (грохота нечаянно упавшего стула) с милым непрекращающимся смехом вбегает Наташа Ростова, тринадцатилетняя девочка. Л. Н. Толстой фиксирует детали ее портрета, призванные сакцентировать внимание на неказистости образа. «Черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка, с своими детскими открытыми плечиками» [2, с. 46]. Наташа – подросток, «гадкий утенок», которому предстоит превратиться в «белого лебедя». Подросток – не ребенок и не взрослый, он носитель «обещания». Отсюда – двойственно отношение к поступку Наташи: с одной стороны, если рассматривать его в ключе нелепого взрослого ребячества, то нарушение аристократических приличий (вбегание в гостиную без разрешения) носит однозначный характер и должно быть «наказано»; с другой стороны, если трактовать поступок в качестве невинной детской

шалости (детскость в поведении Наташи все же доминирует, свидетельством чего служит ее попытка преодолеть неловкость перед гостями, обрести защиту у родной матери: «вывернувшись от отца, она подбежала к матери и, не обращая никакого внимания на ее строгое замечание, спрятала свое раскрасневшееся лицо в кружевах материнской мантильи и засмеялась» [2, с. 46]), как проявление столь дорогой Л. Н. Толстому, высоко ценимой им «естественности», то никаких прямолинейных выводов здесь делать нельзя. Смех заразителен, в нем заложена огромная сила суггестивного воздействия, он есть форма проявления подлинного нравственного начала в человеке. Учтем и то, что Наташа как бы спасает ситуацию возникшего молчания, невольно помогает снять трудность общения. Закономерно, что когда Наташа «расхохоталась... громко и звонко», то все, «даже чопорная гостья, против воли засмеялись» [2, с. 46]. Ключевыми словами в данном описании являются «против воли». «Против воли» воплощается то, что природно, сообразно душе, первоначально, лежит в исконном «субстрате» духа и ждет часа своего выражения.

У Лу Синя подобной пластики нет, несмотря на то, что его проза испытала серьезное влияние русской классической литературы (прежде всего Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского). Лу Синя по преимуществу интересует человек в его отвлеченном психологическом переживании, которое тем не менее не исключает лаконичных портретных характеристик, впрочем, довольно редких, нечастых. Стиль его сочинений – не размашистый, а сдержанный; основа сдержанности – как индивидуальная манера, так и общий китайский национальный менталитет, традиция, к которой принадлежал писатель по факту рождения и воспитания.

В сборнике «Блуждания» Лу Синь размышляет о счастье человека, о смыслах его безотрадного существования на земле. Его герой – «маленький человек», обвитый паутиной бесконечных обязанностей, порой надуманных. Окружающий мир его пугает, страшит, о чем он откровенно заявляет. В то же время о состоянии человека можно судить по опосредованным признакам, что до некоторой степени сближает Лу Синя и Л. Н. Толстого.

Так, в рассказе «Мыло» изображается сцена ужина в доме Сы-мина. Сы-мин – человек «правильных» убеждений, рачительный хозяин, заботливый отец семейства. Это его главенство отражено так: «В столовой зажгли лампу... В центре, занимая один целый край стола, восседал Сы-мин. Лицо у него было полное и круглое... В горячих парах капустного супа он походил на бога богатства в кумирне» [1, с. 205]. Сравнение с богом, ответственным за материальный достаток, делает Сы-мина односторонним, однобоким, с превалированием черты, ориентированной на стабильность жизни без динамики развития, духовных запросов. Сы-мин это чувствует сам, поэтому тоска и бесприютность – его неизменные ощущения.

В рассказе «Почтенный учитель Гао» дается представление о человеке, который живет прошлыми идеалами. Учитель Гао – схоласт и консерватор. Он старается держаться величественно, как подобает старому

образованному «вельможе», однако с горечью сознает, что учащиеся – молодое поколение – не относятся к его преподавательским приемам с необходимым почтением. В новых социально-исторических условиях Гао кажется смешным. «Гао вдруг почувствовал себя очень одиноким», – пишет Лу Синь и входит в подробности рефлексии персонажа. Разнородный мир сливается в глазах Гао в монолитное целое, которое вызывает страх непредсказуемостью. Лу Синь оперирует символическим образом моря перед штормом: «Не удержавшись, учитель поднял голову... Теперь класс был заполнен глазами и множеством маленьких треугольников с носиками посередине. Все они... напоминали таинственно волнующееся море, ослепившее его своей искрившейся поверхностью» [1, с. 230].

В рассказе «Одинокий» эта рефлексия получает продолжение в более расширительном контексте. Учитель Лянь-шу живет тяжело. Основная причина его одиночества – общественное мнение. Анонимные нападки в газетах, слухи, которые распространяются о нем в среде завистливых коллег, злонамеренные анекдоты – все это делает его существование невыносимым. Не находя возможностей исправить положение, герой уходит в мир абстрактных, мало и плохо связанных с реальной жизнью фантазий.

Подведем итоги. Человек – инвариантный фактор художественности, ее субъект и объект. Писатели используют множественные приемы, по-разному отображая человека. Л. Н. Толстой и Лу Синь – мастера психологической прозы. Однако если Л. Н. Толстой – художник гибкой телесно-духовной пластики, то Лу Синь – одномерно-социальных отношений.

Библиографический список

1. Лу Синь. Повести. Рассказы / пер. с китайского. – М.: Художественная литература, 1971. – 495 с.
2. Толстой Л.Н. Война и мир: том первый // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. – Т. IX. – М.: Художественная литература, 1937. – 482 с.
3. В мире Толстого. – М.: Советский писатель, 1978. – 528 с.

ЖАНР ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ В ТВОРЧЕСТВЕ УДМУРТСКОГО ПИСАТЕЛЯ Л. МАЛЫХ

Т. В. Ишматова

*Аспирант,
Удмуртский государственный
университет,
г. Ижевск,
Удмуртская Республика, Россия*

Summary. The article deals with the analysis of artistic peculiarities of literary fairy tales by the Udmurt writer Liia Malykh, who is known as the author of literature for children. L. Malykh's works are characterized by the modification of artistic devices of fairy tales, attempts to use resources of Udmurt folklore, trying to depict the characters via individual characteristics, the use of irony and ethnic colouring.

Keywords: literary fairy tale; Udmurt literature; Liia Malykh.

Литературная сказка как особый жанр в удмуртской литературе начинает активно развиваться во второй половине XX века. Особую популярность этот жанр получил к концу XX века благодаря творчеству Г. Романовой, А. Ельцова, В. Ар-Серги, Ф. Пукрокова, У. Бадретдинова, Р. Николаевой, В. Ившина и др.

Среди современных удмуртских авторов, пишущих для детей, отдельное место занимают самобытные художественные поиски Л. Малых (1960). В ее творчестве жанр удмуртской литературной сказки доказал свою способность развиваться по-новому руслу. Ярким примером является ее книга «Эктйсь кизили» («Танцующая звездочка») (1997) [2].

Как подчеркивает Л. В. Овчинникова, «литературная сказка – это вид идейно-художественной структуры, существующей в единстве традиционного и нового, строящийся на основе развития функциональных и поэтических особенностей различных жанров фольклорной сказки [1, с. 132]. Так, героями сказок Лии Малых становятся самые невероятные и неожиданные, придуманные автором персонажи – Жагон, Курмача, Кыль кенак и т. д. Эти герои и их приключения позволяют донести до маленького читателя актуальные проблемы современности. К примеру, мутант-слизняк Жагон (от удмуртского Жаг 'мусор') с целью порабощения мира поедает любимые книжки Миколы и от этого становится более жадным, сильным и всемогущим. Все это приводит к господству физической и нравственной грязи в человеческом обществе. Но стремление Миколы спасти мир делает Миколу бесстрашным. Автор сказки наделяет героев индивидуальными характеристиками, чем и отличается данное произведение от фольклорной сказки.

Одна из особенных характерных черт сказочной прозы Л. Малых – ироничность. К примеру, в сказке о спесивом петухе Шаяне писательница очень ярко отражает психологические особенности предстаивтелей дере-

венского двора: гуси и утки прожорливы, свинья беззаботна, овцы глупы и неразумны, корова равнодушна, непостоянны в своих чувствах куры и т. д.

Соответствуя канонам литературной сказки, сюжеты и композиция литературных произведений Лии Малых в значительной степени подчиняются авторской воле и фантазии. Ярким примером здесь являются сказки «Танцующая звездочка» и «Подснежники». Для обоих произведений характерен трагический финал. Но при этом происходит победа добра над злом, потому и смерть персонажей воспринимается не как трагедия, а торжество любви. Так, в сказке «Подснежники» колдунья наслала на Нати порчу, и у девочки заболели ноги. Ее выручает верный друг – зайчик Чик, но при этом зайцу приходится стать подснежником, то есть цветком с очень короткой продолжительностью жизни (отметим, что в удмуртском языке подснежник имеет название *кечсин* 'бук. заячий глаз'). В сказке «Танцующая звездочка» маленькая и самая яркая звездочка жертвует собственной жизнью ради одинокой больной девочки. Заяц и звездочка погибают, но остаются вечная дружба и бессмертная любовь.

Наряду с авторскими, выдуманными элементами, отраженными в тексте, в литературной сказке присутствуют и легко узнаваемые элементы фольклорной сказочной поэтики: сюжеты волшебных испытаний, отдельные сюжетные мотивы, система образов, устойчивые функции персонажей, интонационно-речевой строй, стилистические клише и т. п. Важно подчеркнуть, что Лия Малых стремится максимально использовать возможности удмуртского языка и культуры.

Таким образом, творчество удмуртского писателя Лии Малых отличается тягой к обновлению художественных приемов литературной сказки, стремлением использовать опыт удмуртского фольклора, привлечением элементов иронии, стремлением дать индивидуальные характеристики главным героям произведений. Все это позволяет создать художественные произведения, интересные для современного читателя.

Библиографический список

1. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX в. (история, классификация, поэтика). М., 2001. 234 с.
2. Эктйсь кизили: нылпиослы выжыкылъёс / суредаз В. Михайлов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 42 с.

МОТИВЫ ТРАГИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ В ПОВЕСТЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ» И «ВЕШНИЕ ВОДЫ»

З. Ю. Осипова

*Старший преподаватель,
Шушинский технологический
университет,
Степанакерт,
Нагорно-Карабахская республика,
Армения*

Summary. This article examines the love stories of I.S. Turgenev "Asya" and "Spring Waters". The author of the article draws parallels between the plots of these works as well as between these works. Here it is shown that love in the understanding of Russian writer is nothing more than a kind of tragic destiny. Particular attention is focused on collisions, entailing the inevitability of separation of the lyrical heroes.

Keywords: I. Turgenev; Russia; love; happiness; tragedy; destined.

В плеяде классиков золотого века русской литературы И. С. Тургенев занимает видное место. Творчество его являет собой новый период в развитии русского критического реализма и представляет непреходящую ценность для исторических эпох. «Время Тургенева – это время перехода от романтизма к реализму, утверждения и расцвета реализма» [1].

Многие современники Тургенева, знакомые с его литературным наследием, признавали в нем непомерное дарование, умение довести до сознания читателя все то, о чем он писал. Правильно подобранными словами писатель прививает ему любовь к России, к ее самобытной природе, к многострадальному русскому народу. К примеру, Н. В. Гоголь отозвался о Тургеневе так: «Талант в нем замечательный и обещает большую деятельность в будущем» [2]. А М. И. Калинин обращался к начинающим литераторам со словами: «Учиться можно только по образцам... Для этого нужно учиться у классиков, например у Тургенева» [3].

И. С. Тургенев известен как автор многожанровых произведений, в которых отображена действительность во всех ее проявлениях. Сам он подтверждает это словами: «...Точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни – есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями» [4].

В нашей статье обратим внимание на исполненные поэтической взволнованности и лиризма повести-элегии, посвященные его величеству Любви. Недаром Тургенев считается одним из искусных певцов любви в мировой литературе.

Как известно, тургеневская «философия любви» сформировалась еще в 40-е годы XIX века, в пору его юности. И эту «философию» писатель пронес через всю свою жизнь. Невозможность любить он считал смертью и был твердо убежден в том, что «...любовь – чувство совершенно особой

окраски... всякий, кто по-настоящему влюблен, как бы полностью отрекается от себя...» [5]

Для начала отметим, что на духовное и литературное становление И. С. Тургенева большое воздействие оказало творчество А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева, под влиянием поэзии которых мастер слова переосмысливал жизненные ценности. Его произведения актуальны по сей день, ибо в них затронуты животрепещущие темы человеческого бытия. Автор скрупулезно описывает внутренний мир своих героев, полных нравственной чистоты, благородства, стремлений к счастью и возвышенным идеалам. «Личное, пережитое в повестях Тургенева, как в творениях истинного художника, было выражением общего, исконно русского, национального, а потому общечеловеческого начала» [6].

Изучение близких по идейной направленности повестей «Ася» и «Вешние воды» дает нам возможность провести между ними аналогию. Асю можно назвать одной из лирических героинь в русской литературе. С широким поэтическим размахом Тургенев показал в ней и ранимую душу, и личную драму, порожденную пониманием статуса внебрачной дочери, и способность самозабвенно любить, прикрывая все это показной шаловливостью. Отметим, что желание быть счастливой в ее страстной натуре является основополагающим. Несомненно, Ася – типичная «тургеневская девушка», натура целеустремленная, решительная, готовая на самопожертвование ради любви.

Бесспорно, тургеневскую Асю можно сравнить с пушкинской Татьяной. В ней также воплощены прекрасные женские качества: индивидуальность, нравственная чистота, неподкупное богатство души, необычный склад ума. Образ ее овеян поэзией первой любви. Неслучайно в разговоре с Н. Н. Ася высказывает мысль, что «хотела бы быть Татьяной».

Как и Татьяна, Ася – истый интроверт. Живя в своем уединенном мире, она с трудом сходится с людьми и мечтает уйти с толпой богомольцев «на трудный подвиг...». Ася жаждет найти в жизни мужчину, который ради высоких идеалов может поступиться даже личной свободой. Ей нужен неординарный человек, этакий герой, направляющий ее по сложному пути. И такого человека она увидела в Н. Н., как Татьяна – в Онегине. Именно это и явилось предпосылкой к беззаветной любви, которой она отдалась всем своим существом. Однако ее мечтам не суждено было претвориться в реальность. Осознав, что ошиблась в своем избраннике, девушка испытывает глубокое душевное потрясение, влекущее за собой ее бегство.

Что касается главного действующего лица повести, то он является полной противоположностью Аси. Отдадим должное тому, что, в первую очередь, он полон размышлений о России. Именно из этой любви к родине у него и появился интерес к простой русской девушке, полукрестьянке по происхождению. Однако, в отличие от Аси, ему не свойственно самоотречение ради любимого человека. В характере Н. Н. прослеживается некий

эгоизм, желание избежать всего, что доставляет ему неудобства и может внести непредвиденные коррективы в привычный ритм жизни.

Ася и Н. Н. молоды, свободны, полны веры в лучшее. Ничто, казалось бы, не мешает им воссоединиться. Но тем не менее это невозможно, так как над ними тяготеет некое предопределение судьбы. Именно неготовность героя отдаться искреннему чувству, запоздалое нравственное прозрение, осознание непоправимости случившегося и приводит к неотвратимой трагической развязке.

Сделаем акцент на том, что концепция любви русского художника слова складывалась под воздействием его жизненной драмы. Известно, что Тургенев, живя долгие годы, по его собственному выражению, «на краешке чужого гнезда», так и не обрел истинного счастья. Поэтому любовь в его интерпретации есть не что иное, как трагедия, а многие произведения писателя настроены на минорный лад. Определенно, по праву автора он мог бы завершить повесть счастливым финалом. Однако здесь немаловажным фактом является роль стороннего наблюдателя. Его персонажи встречаются, влюбляются, страдают и, как следствие, расстаются. И все это, по мнению Тургенева, происходит под влиянием высших сил на их судьбы. Своими личными размышлениями он предварительно наводит читателя на мысль о неизбежной разлуке лирических героев: «У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем, у него есть настоящее – и то не день – а мгновенье» [7].

Неудержимая сила любви показана также в самой романтической и проникновенной, на наш взгляд, повести «Вешние воды». Само заглавие и эпиграф, взятый из старинного романса, говорят о чем-то безвозвратно потерянном. Эту повесть, где главным конструирующим элементом являются человеческие взаимоотношения и многогранность чувств, по праву следует называть историей о незабываемой первой любви, которую Тургенев вполне справедливо сравнивал с революцией, нарушающей однообразно-правильный строй жизни людей. Большой почитатель таланта русского собрата по перу, искренне восторгающийся его творчеством, Г. Флобер ценил в нем глубокое понимание действительности. «Вы много знаете о жизни, мой дорогой друг, и Вы умеете рассказать о том, что Вы знаете...» [8]

Справедливости ради отметим, что повесть «Вешние воды» вызвала большой ажиотаж в читательских кругах, в которых ею восторгались. Однако не осталась она незамеченной и со стороны многих недоброжелательно настроенных критиков, изливших на писателя свою публицистическую желчь. К примеру, в статье «Новая повесть Тургенева», вышедшей в «Московских ведомостях», Л. Н. Антропов заявлял, что «"Вешние воды" – вещь не только относительно слабая, но и безотносительно плохая... в этой повести все отрицательные свойства таланта г. Тургенева выступили особенно заметно...» [9] А петербургская газета «Русский мир» своим отрицательным суждением констатировала, будто «...г. Тургенев не только похитил сам у

себя свою литературную собственность, но еще всячески обезобразил ее и превратил в карикатуру довольно сомнительного тона» [10].

Тем не менее, несмотря на столь негативные замечания со стороны вышеупомянутых и других критиков, согласимся, что это произведение заслуживает большего внимания и детального изучения для лучшего понимания человеческих поступков, мотивированных непредвиденными жизненными обстоятельствами.

Что касается женских образов, то здесь Тургенев мастерски использовал прием антитезы. Джемма по своей натуре решительна, смела и целеустремленна. Ей чужда расчетливая меркантильность, превыше которой она ставит искренние чувства. Наделив героиню таким именем, в переводе на русский язык означающим «драгоценный камень», автор тем самым подчеркивает физическую и нравственную красоту девушки.

В отличие от Джеммы, М. Полозова низменна, цинична, хладнокровна. И если первая олицетворяет все чистое, неподдельное, располагающее к себе окружающих ее людей, то последняя, напротив, ассоциируется с соблазном и похотью. Из строк повести мы узнаем, что Марья Николаевна так же, как и Джемма, была красива. Однако красота эта была губительна, напроць лишена прекрасных качеств.

Важной деталью в раскрытии образа Марьи Николаевны является ее фамилия, в которой интегрируются коварство и гнусность натуры. Фамилия «Полозова» происходит от слова «полоз», а это, как известно, змея. Иными словами, читатель заблаговременно предвидит искушение и следующее за ним грехопадение, чреватое нравственной деструкцией главного персонажа.

Касательно отношений Санина с Полозовой уместно сказать, что со стороны первого это было иррациональной страстью, а со стороны последней – хорошо продуманным ходом. Ведь не будь Дмитрий Павлович так влюблен в Джемму, Полозова не удостоила бы его своим вниманием. Однако наличие большой любви безвольного Санина к другой заставило ее с хищнической хваткой разделаться со своей жертвой. Таким образом, эта женщина показана злым гением, обладающим разрушительной демонической силой.

Целесообразно намеренное введение Тургеневым в повесть И. Полозова, чье появление является переломным моментом, изменяющим фабулу произведения в дальнейшем развитии.

Следует обратить внимание на литературные реминисценции в повести, наводящие читателя на мысль о неминуемом расставании главных героев. Первая реминисценция - в начале повествования. Тургенев указывает на произведение Э. Гофмана «Заблуждение». Примечательно, что Джемма, не особо жаловавшая Гофмана и не находившая поэзии в его произведениях, любила именно эту печальную повесть. И как для героя немецкого классика незнакомка окажется химерой, так и для Санина будет навсегда потеряна его возлюбленная. «...Красавица на веки веков исчезает для не-

го... и терзается он мыслью, что, быть может, все счастье его жизни ускользнуло из его рук...» [11] Неслучайно в конце повести аналогичные слова Дмитрий Павлович скажет о самом себе.

Вторая реминисценция – в середине повествования. Так, во время прощания с Джеммой Санину вспомнилась сцена расставания В. Ленского с Ольгой в «Евгении Онегине». И это воспоминание, как известно, оказалось провиденциальным.

Многие литераторы и критики ставили Тургеневу в вину рабскую повинность Санина перед Полозовой. Особенно резко по этому поводу высказался П. В. Анненков, чье мнение Тургенев высоко ценил. «Я... не могу понять, как он сделался лакеем ее после пережитого процесса чистейшей любви. Это... страшно позорно для русской природы человека» [12]. Однако, несмотря на все нелестные замечания относительно некоторых эпизодов повести, писатель так и не изменил в ней ни слова.

Считаем не лишним отметить, что Тургенев наделил главного героя автобиографической чертой – подобострастием к роковой женщине. Угодничество Санина можно сравнить с раболепием Ивана Сергеевича по отношению к П. Виардо. Будучи для русского классика смыслом всей жизни, французская певица безраздельно властвовала над ним. В этом писатель сам признался А. Фету: «Я подчинен воле этой женщины... Я только тогда блаженствую, когда женщина каблуком наступит мне на шею и вдавит мое лицо носом в грязь» [13]. Черты П. Виардо угадываются в образе коварной Марьи Николаевны, разлучившей Санина с Джеммой и обрекшей его на неизбежное одиночество бессемейного холостяка.

Выстраивая сюжетную линию своих повестей, Тургенев, как человек творческой профессии, насытил их лиризмом и глубоким психологизмом. Скажем, что они во многом тождественны. Во-первых, оба произведения объединяются автобиографичностью, в чем признавался сам автор. Во-вторых, они относятся к категории воспоминаний о далеком прошлом, облеченных в повествовательную форму. Посвящая читателя в события давно минувших лет, Тургенев тем более раскрывает душевные переживания своих персонажей. В-третьих, ни Н. Н., ни Д. Санин не обрели семейной идиллии с любимыми их девушками – один ввиду запоздалого прозрения, другой по причине слабоволия, – что по прошествии времени привело их обоих к горьким сожалениям. И еще: писатель показывает, что главным испытанием в жизни литературных героев являются любовные отношения, на фоне которых и раскрывается их истинный характер.

Нужно также принять во внимание, что события в обеих повестях разворачиваются в Германии. обстоятельно показывая менталитет, быт и нравы немцев, Тургенев индивидуализирует ее, делает одним из главных персонажей. Как известно, окончив в 1837 г. Санкт-Петербургский университет, И. С. Тургенев уехал доучиваться в Берлин, будучи убежденным в том, что «...в России возможно только набраться некоторых приготовительных сведений, но что источник настоящего знания находится за гра-

ницей» [14]. Впоследствии он неоднократно посещал Германию, подолгу жил там, изучал немецкую культуру, философию, литературу, что нашло отражение в его творчестве. Следовательно, писатель выбрал эту европейскую страну местом действий своих произведений вполне закономерно.

Отметим также, что, невзирая на приверженность Тургенева к западничеству, несправедливо упрекать его в полном отречении от России и русского народа, ибо их грядущее неизменно заботило его (вспомним стихотворение в прозе «Русский язык», в котором доминируют личные переживания и «тягостные раздумья о судьбах... родины»). Мучительно перенося разлуку с отчизной, литератор обращал к ней все свои помыслы. Об этом свидетельствуют его слова: «Я бы не написал ни строчки, если бы образ России всегда не был бы в моем сердце» [15]. И они подтверждаются проникновенным воспеванием живописной красоты родной земли, национальным колоритом, которым насыщены произведения русского классика, и неподдельным благоговением пред всем, что связано с родиной.

Итак, резюмируя вышесказанное, мы пришли к выводу, что «Ася» и «Вешние воды» объединены в любовно-трагедийный цикл, в котором акцентируется внимание на предопределении участи лирических героев. Следовательно, это дает нам основание считать их в данном отношении аналогичными.

«Гении принадлежат всему человечеству», – говорил И. С. Тургенев. И это изречение вполне справедливо. Опираясь на эти слова, можно с уверенностью сказать, что литературное дарование русского классика является непреходящей культурной ценностью как для России, так и для всего мира.

Библиографический список

1. Петров С.М., И.С. Тургенев: Творческий путь, М., 1979, с. 3.
2. Гоголь Н.В., О литературе, М., 1952, с. 249.
3. Бонцкий К.И., Тургенев в русской критике, М., 1953, с. 67.
4. Амирханян М.Д., И.С. Тургенев: русская и национальные литературы, Ер., 2013, с. 3.
5. Гонкур Э. и Ж. де, Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы в 2 т., т. 2., М., 1964, с. 27.
6. Тургенев И.С., Повести, М., 1988, с. 4.
7. Тургенев И.С., Повести, М., 1988, с. 70.
8. Флобер Г., Собр. соч. в 5 т., т. 5, М., 1956, с. 407.
9. Тургенев И.С., Полн. собр. соч. в 30 т., т. 8, М., 1981, с. 508.
10. Тургенев И.С., Полн. собр. соч. в 30 т., т. 8, М., 1981, с. 509.
11. Тургенев И.С., Повести, М., 1988, с. 170.
12. Тургенев И.С., Полн. собр. соч. в 30 т., т. 8, М., 1981, с. 506.
13. Труайя А., Иван Тургенев, М., 2007, с. 16.
14. Тургенев И.С., Собр. соч. в 12 т., т. 11, М., 1956, с. 23.
15. Амирханян М.Д., И.С. Тургенев: русская и национальная литературы, Ер., 2013, с. 206.

VI. PRINCIPLES, LAWS AND CATEGORIES OF LITERARY STUDIES

ГЕОПОЭТИКА В ОСМЫСЛЕНИИ БЕЛОРУССКОГО КОНТЕКСТА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И. БУНИНА (произведений оригинальной и переводной литературы)

И. Б. Лаптёнок

*Кандидат филологических наук, доцент,
Белорусский государственный
университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь*

Summary. The article is devoted to understanding the role of original and translated literature in the existential space of memory of the place and national culture. It discusses topical aspects related to the depiction of «Bunin places» on the Belarusian land and their perception in his creation. It is revealed that geopoetics in understanding the Belarusian context of the literary heritage of I. Bunin allows us to identify the cognitive features of the presented chronotopes, opens up new opportunities for understanding national identity.

Keywords: literary translation; literary process; literary connections; literary tradition; geopoetics; memory of a place.

На современном этапе важнейшим инструментом в осмыслении литературного наследия становится геопоэтика. В литературных произведениях находят воплощение неповторимый дух места и связанные с ним чувства, которые отражаются в передаче восприятия реалий, атмосферы жизни, природного и культурного ландшафта. Нередко они «законсервированы» в произведениях с исключительной реалистичностью и художественным вкусом.

В данном контексте представляется важным изучение связей И. Бунина с белорусской землей. Следует отметить, что значительная часть литературоведческих работ, посвященных творческой личности писателя (изданных в Беларуси), посвящена теме его путешествий: «Бунін у зачараваным маёнтку» (2008) К. Бирюкович, «Чудесные впечатления от Клеевки: образы Беларуси у Бунина» (2008) С. Букчина, «Яго душа была і тут» (2005) О. Салтука, «Бунін І. А. у Беларусі» (1996) М. Ткачэва, «І. Бунін на Віцебшчыне» (1994) М. Воронова, «Жить здесь очень приятно...: Белоруссия в творчестве И. А. Бунина» (1980) А. Бабареки.

Обращение к творчеству И. Бунина в ракурсе путешествий является не случайным, поскольку развитие поэтической системы писателя во многом было с ними связано. Личный опыт служил для него важным источником вдохновения. Белорусская действительность также оказала определенное влияние на творчество писателя. Впечатления от белорусских городов

(Полоцк, Витебск, Смоленск) переданы им в художественной форме в автобиографической повести «Жизнь Арсеньева», стихотворениях и дневниках.

Представления И. Бунина о Полоцке были основаны не только на воспоминаниях от посещения города, но и на ассоциациях и размышлениях, оказавших влияние на создание в дальнейшем поэтических образов: «Полоцк или, по-древнему, Полотыск – у меня давно соединилось предание о древнем киевском князе Всеславе, которое я где-то прочел еще в отрочестве: он был свергнут братом с престола, бежал “в темный край полочан” и доживал свой век “в скудной бедности”, в схиме, в молитвах, в трудах и в “прельщениях памяти”: будто бы неизменно просыпался в предутренний час с “горькими и сладкими слезьми”, с обманчивой мечтой, что он опять в Киеве, “на своем благоверном княжении” и что это не в Полоцке, а у Киевской Софии звонят к полунощнице. С тех пор Полоцк тех времен всегда представлялся мне совершенно чудесным в своей древности и грубости: какой-то темный, дикий зимний день, какой-то бревенчатый Кремль с деревянными церквами и черными избами, снежные сугробы, истоптанные конными и пешими в овчинах и лаптях... Когда я наконец попал в действительный Полоцк, я, разумеется, не нашел в нем ни малейшего подобия выдуманному. И все-таки во мне и до сих пор два Полоцка – тот, выдуманный, и действительный» [2]. Свою «память места» в поэтическом измерении И. Бунин воплотил в стихотворении «Князь Всеслав».

Ощущения от первой встречи с Витебском для писателя также стали уникальными в контексте «духа места», в том числе восприятия архитектуры города, его социокультурных особенностей: «В Витебск я приехал к вечеру. Вечер был морозный, светлый. Всюду было очень снежно, глухо и чисто, девственно, город показался мне древним и не русским: высокие, в одно слитые дома с крутыми крышами, с небольшими окнами, с глубокими и грубыми полукруглыми воротами в нижних этажах. То и дело встречались старые евреи, в лапсердаках, в белых чулках, в башмаках, с пейсами, похожими на трубчатые, вьющиеся бараньи рога, бескровные, с печально-вопросительными сплошь тёмными глазами. На главной улице было гулянье – медленно двигалась по тротуарам густая толпа полных девушек, наряженных с провинциальной еврейской пышностью в бархатные толстые шубки, лиловые, голубые и гранатовые... Я шёл как очарованный в этой толпе, в этом столь древнем, как мне казалось, городе, во всей его чудной новизне для меня» [2].

Неизгладимое впечатление на И. Бунина оказал расположенный на Рыночной площади витебский костел и звуки его органа: «Темнело, я пришел на какую-то площадь, на которой возвышался жёлтый костел с двумя звонницами. Войдя в него, я увидел полумрак, ряды скамеек, впереди, на престоле, полукруг огоньков. И тотчас медленно, задумчиво запел где-то надо мной орган, потек глухо и плавно, потом стал возвышаться, расти – резко, металлически... стал кругло дрожать, скрежетать, как бы вырываясь из-под чего-то глушившего его, потом вдруг вырвался и звонко

разлился небесными песнопениями... Впереди, среди огоньков, то поднималось, то падало бормотание, гнусаво раздавались латинские возгласы. В сумраке, по обеим сторонам уходящих вперед толстых каменных колонн, терявшихся вверху в темноте, чёрными привидениями стояли на цоколях какие-то железные латники. В высоте над алтарем сумрачно умирало большое многоцветное окно...» [2].

Костел св. Антония с его органным звучанием оставил отклик в душе писателя на многие годы: «Ни Акрополь, ни Баальбек, ни Фивы, ни Пестум, ни святая София, ни старые церкви в русских Кремлях и доньше несравнимы для меня с готическими соборами. Как потряс меня орган, когда я впервые (в юношеские годы) вошел в костел, хотя это был всего на всего костел в Витебске! Мне показалось тогда, что нет на земле более дивных звуков, чем эти грозные, скрежещущие раскаты, гул и громы, среди которых и наперекор которым вопиют и ликуют в разверстых небесах ангельские гласы...» [2]. В стихотворении «В костеле» поэт называет этот храм «великим» и «нерукотворным».

Плодотворным периодом творческой деятельности И. Бунина являлось время его пребывания в имении Клеевка Витебской губернии (лето 1912 г.): «С необыкновенной легкостью пишу все последнее время стихи <...>. Иногда по несколько стихотворений в день, почти без помарок» [1, с. 203]. Особенно вдохновляла писателя природа белорусского края. 13 июля 1912 г. в своем дневнике он отметил: «Жить здесь очень приятно. Край оригинальный – холмистый, лесистый, пустынный...» [3]. 12 августа 1912 г. с нескрываемым восторгом И. Бунин поведал о походе в лес: «Девятого ходили перед вечером, после дождя, в лес. Бор от дождя стал лохматый, мох на соснах разбух, местами висит, как волосы, местами бледно-зеленый, местами коралловый. К верхушкам сосны краснеют стволами, – точно озаренные предвечерним солнцем (которого на самом деле нет). Молодые сосенки прелестного болотно-зеленого цвета, а самые маленькие – точно паникадила в кисее с блестками (капли дождя). Бронзовые, спаленные солнцем веточки на земле. Калина. Фиолетовый вереск. Черная ольха. Туманно-синие ягоды на можжевельнике» [3].

«Клеевский» период повлиял на создание произведений, в которых нашли отражение как природные особенности края, так и местные легенды, предания, народно-песенные традиции: «Два голоса», «Ночь зимняя нужна и холодна», «Пращурь», «Ночная змея», «Алисафия», «Светляк», «Ритм», «Судный день», «На пути из Назарета», «Летняя ночь», «Первая любовь» и др.

В интервью репортеру «Московской газеты» писатель обрисовал свои впечатления о Беларуси следующим образом: «Огромный лесной край, чрезвычайно любопытный в бытовом отношении. Мне пришлось очень много ходить пешком, вступать в непосредственное соприкосновение с местными крестьянами, изучать их язык... У крестьян этой полосы,

по моему мнению, в наиболее чистом виде сохранились неиспорченные черты славянской расы. В них видна порода...» [1, с. 202].

Широта географического диапазона творчества И. Бунина (в ареале которого находились Париж, Швейцарские Альпы, Константинополь, Палестина, Сирия, Египет, Капри, Цейлон) отразилась и в переводах его произведений на белорусский язык (Я. Скрыгана, А. Каляды). С их помощью белорусский читатель смог узнать об индивидуально-личностном восприятии тех мест, в которых удалось побывать писателю. Широкое отражение в них также нашли обостренные чувства эмигранта, связанные с тоской по родной земле. Книга «І. Бунін. Выбраныя творы» (2010) в переводе А. Каляды является наиболее полным изданием избранных произведений писателя на белорусском языке. В ней представлены роман «Жизнь Арсеньева», повести «Митина любовь», «Суходол» и «Деревня», 75 рассказов, публицистика, дневники и воспоминания – «Автобиографическая заметка», «Из интервью», «Речь на юбилее газеты “Русские Ведомости”», «Как я пишу», «Нобелевские дни», «Из записей». В 2013 г. в переводе А. Каляды была опубликована книга «Окаянные дни» с дневниковыми записями И. Бунина, которые писатель вел в Москве и Одессе с 1918 по 1920 год.

Таким образом, геопозитика играет немаловажную роль в осмыслении белорусского контекста литературного наследия И. Бунина (произведений оригинальной и переводной литературы): позволяет выявить когнитивные особенности представленных хронотопов, субъективно-личностные аспекты восприятия писателем особенностей территории и связанных с ней чувств, открывает новые возможности для осмысления национальной идентичности.

Библиографический список

1. Букчин С. «Чудесные впечатления от Клеевки» : образы Беларуси у Бунина / С. Букчин // Всемирная литература. – 2008. – № 3. – С. 193–206.
2. Бунин, И. Жизнь Арсеньева. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1952. – Режим доступа : <http://lib.ru/BUNIN/buninars.txt>. – Дата доступа : 11.03.2021.
3. Устами Буниных : дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы : в 3 т. – Т.1. – 1977. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1810-1.shtml. – Дата доступа : 11.03.2021.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2021 ГОДУ**

Дата	Название
5–6 апреля 2021 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2021 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2021 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2021 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2021 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2021 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2021 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2021 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2021 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2021 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2021 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2021 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2021 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2021 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2021 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2021 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2021 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2021 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2021 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2021 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2021 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2020 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2021 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2021 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2021 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2021 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2021 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2021 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2021 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
7–8 ноября 2021 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2021 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2021 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2021 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2021 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2021 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2021 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,075.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor(Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,966

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belarusian State University
Secondary school № 171, Moscow

ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

Materials of the XI international scientific conference
on March 25–26, 2021

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 30.03.2021.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 5,3.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz